

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

СЬЮЗЕН ВИЛТС

HARLEQUIN®
Romance

ДОМ
У ОЗЕРА

Песня RITA Авард
за "Лучший современный роман".

Роман — настроение.
Светлая книга, написанная
с юмором и от души.

Romance – Harlequin

СЬЮЗЕН ВИГГС

Дом у озера

«Центрполиграф»

2011

Виггс С.

Дом у озера / С. Виггс — «Центрполиграф», 2011 — (Romance – Harlequin)

Еще недавно Кейт Ливингстон была обозревателем в модном журнале. Теперь она одинокая безработная женщина, у которой остались только девятилетний сын Аарон и старый дом у озера Кресент. С невеселыми мыслями Кейт отправляется на лето в родовое гнездо. Там ее ожидает приятный сюрприз – новый сосед Джей Харрис. Военный медик Харрис по воле случая спас от смерти президента и теперь скрывается от внимания папарацци у тихого озера. Джей становится настоящим другом Аарону и Кейт, пока не узнает о ее журналистском прошлом.

© Виггс С., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	7
Часть вторая	12
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	40
Глава 7	43
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сьюзен Виггс

Дом у озера

*Марте Кинан – моему редактору и дорогому другу, – которая
помогла опубликовать двенадцать моих книг. Спасибо за все*

Часть первая

...Как все вы знаете, президент намерен посетить наших доблестных военных в медицинском центре имени Уолтера Рида. Визит запланирован на Рождество. Президент сможет лично поблагодарить наших военных, несущих нелегкую службу ради безопасности Америки и всего мира. Он также воздаст должное медицинскому персоналу госпиталя за всю ту огромную работу, что выполняют эти люди. К сожалению, нам придется ограничить численность сопровождающих журналистов. Скорее всего, работать будет только одна камера, а корреспондентов мы пригласим позже...

Пресс-секретариат Белого дома

Героев любят все. Люди выстраиваются в очередь, чтобы приветствовать их, славят, выкрикивают их имена. Потом, по прошествии лет, они рассказывают, как часами стояли под холодным дождем, чтобы пусть мельком увидеть того, кто научил их держаться до конца. Думаю, герой есть в каждом из нас. Это ему мы обязаны честностью и благородством, и это он дает нам силы умереть с гордо поднятой головой, отказываясь порой от самого желанного. Даже от мечты.

«Человек-Паук-2»

Глава 1

Вашингтон, округ Колумбия. Канун Рождества

Машина скорой помощи, подъехавшая к служебному подъезду первого корпуса, ничем не отличалась от других таких же. Со стороны казалось, что она вернулась с обычного вызова – может быть, привезла больного в приемное отделение, может быть, доставила пострадавшего в нижнее крыло на операцию. Все необходимые разрешительные ярлычки и таблички, дающие право свободного, без утомительных проволочек проезда, были на месте; бригада выглядела как обычно: тщательно отутюженные синие брюки и форменные парки с идентификационными бирками. Даже пациент казался самым заурядным во всех отношениях – обложенный пленкой, укрытый термальным одеялом и с кислородной маской на лице.

Сержант медицинской службы войск специального назначения Джордан Донован Харрис, как и все остальные, не обратил бы на «скорую» особого внимания, если бы не слонялся от безделья по застекленной обзорной площадке верхнего этажа. Оттуда ему открывался вид не только на служебный подъезд, но и на раскинувшийся дальше Рок-Крик-парк и на пролегающую за ним Джорджия-авеню. Голые деревья на фоне выпавшего снега напоминали чернильные каракули на белой бумаге. По улицам, что вели к сияющим шпилям и куполам столицы, бодро проносились автомобили. Припорошенный мягким, словно пудра, свежим снежком, весь медицинский центр имени Уолтера Рида, расположившийся на площади в сто сорок семь акров и состоящий из кирпичных зданий в георгианском стиле, казалось, замер вне времени, будто перенесенный на рождественскую открытку. И только деловая суета у дверей приемного отделения напоминала, что здесь расположено лечебное учреждение высшего класса.

Хотя поблизости и не было никого, Харрис знал, что за ним наблюдают. Видеокамер здесь стояло побольше, чем в самых шикарных казино Лас-Вегаса. Впрочем, Харриса это нисколько не касалось – скрывать ему было нечего.

Скука и безделье – желанный атрибут в жизни каждого парамедика. Если ему нечем заняться, значит, ничего не случилось, все идет как надо, ничей мир не разлетелся осколками в дорожном происшествии, никто не поломал кости после неудачного падения, никто не свалился с лихорадкой и не получил пулю из пистолета взбесившегося дружка или взрывовавшей подружки. Никого не надо спасать. Для человека, чья работа состоит именно в том, чтобы спасать людей, это означает, что ему нечем заняться.

Харрис переступил с ноги на ногу и поморщился. Жали купленные недавно неразношенные туфли. Весь персонал обязали явиться на смену в парадной форме по случаю визита президента, приехавшего навестить больных и разнести по палатам праздничное настроение. Разумеется, лично узреть главнокомандующего повезло лишь нескольким избранным счастливым. В поездках президента неизменно сопровождали сильные мира сего, свита агентов секретной службы и официальный пресс-корпус – все они надежно отделяли высшее лицо от простых граждан.

Вот почему Харрис немного удивился, увидев, как большая группа людей в черных костюмах и военной форме вышла из кабины лифта уровнем ниже того, на котором находился он. Странно. Обычный маршрут высокопоставленных гостей включал обязательным пунктом посещение палаты 57, где лежало немало раненых ветеранов. Сегодня программа визита, похоже, предусматривала знакомство с приемным отделением, недавно переоборудованным за счет некоего партийного спонсора.

Гости уже шли по безукоризненно чистому коридору. Харрис машинально выпрямился, готовый вытянуться по струнке, хотя его никто бы и не заметил. Старые привычки так скоро не уходят.

Он немного расслабился и вытянул шею, надеясь хоть краем глаза взглянуть на лидера свободного мира, но увидел только репортеров и сопровождающих во главе с главным сержантом. Секундой позже появилась женщина, штатский администратор, приветствовавшая кого-то широкой улыбкой. В любезности и гостеприимстве она могла бы соперничать с любой Джорджтаунской хостессой. По всей видимости, ей досталась роль гида, и она горела желанием показать себя с самой лучшей стороны.

Харрис знал, что ее зовут Дарнелль Джефферсон и что она работает здесь уже четверть века. Рассказывать о центре она могла часами, лишь бы нашелся желающий слушать. Глядя на нее, никому бы и в голову не пришло, что главная забота Дарнелль, как, впрочем, и многих других гражданских администраторов, состоит в том, чтобы своим занудством ежедневно отравлять жизнь всему персоналу и выдавать гору всевозможных бумаг в оправдание собственного существования. В красном платье с приколотой к груди желтой ленточкой она выглядела бодрой и деловой, а ее лучезарная улыбка сделалась вовсе ослепительной, когда случилось невозможное. Президент отделился от свиты и выступил вперед – попозировать.

Что еще удивительнее, миссис Джефферсон взяла инициативу в свои руки и повела группу дальше по широкому сияющему коридору. Два оператора с камерами потянулись вместе с остальными, спеша в мельчайших деталях запечатлеть происходящее для вечерних новостей. Потом все остановились у первой палаты, куда накануне перевели раненого солдата из другого отделения. Харрис уже знал, что согласно сценарию президента покажут с родными солдата, в тесном семейном кругу у кровати героя.

Шоу, подумал Харрис. Показуха. И как только люди могут мириться с такой жизнью? Разве не пытка, когда за тобой пристально наблюдает вся страна?

Процессия двинулась дальше по коридору – к Тэлбот-лонж, одному из недавно обновленных вестибюлей с двенадцатифутовой белой пихтой, установленной стараниями лучшего в округе флориста. Здесь все снова остановились попозировать. Харрис видел отблески фото вспышек, но потерял из виду президента.

В том же крыле, в приемной палате, между двумя стенками из армированного стекла, лежал недавно доставленный пациент. Транспортная бригада отправилась составлять отчет, никто из больничного персонала еще не появился, так что новенький остался один. Дежурные медсестры, как и Харрис, задержались где-то, чтобы взглянуть на президента. Пациент лежал сам по себе, и помочь ему освоиться в этом незнакомом, чужом мире было некому – ни родственников, ни друзей рядом не оказалось. Так бывает, что у некоторых просто нет близких. То же самое мог бы сказать о себе и Харрис. Мог бы, если бы не Сэм Шредер. Познакомившись несколько лет назад в зоне боевых действий в афганской провинции Кунар, они стали лучшими друзьями. Сэм Шредер и его семья – только их Харрис и мог назвать близкими людьми. Он говорил себе, что этого вполне достаточно.

Рассчитывая увидеть президента в лицо, Харрис спустился по лестнице на главный уровень. Зачем? Почему? Он и сам не знал. Может быть, потому, что десять лет служил своей стране, а потом еще четыре года работал в госпитале, где не давал людям умереть. И раз уж выпал шанс увидеть президента вблизи, то этим шансом грех не воспользоваться. Программа визита предусматривала прием в рекреационном зале с участием группы «Гэтлин бразерс», но попасть туда Харрис не рассчитывал.

У двери отделения стояли двое морских пехотинцев в синей форме. Приняв деловой вид, Харрис помахал удостоверением и для пущей убедительности постучал по планшету. Ничего не поделаешь, нужно притворяться – иначе решат, что ты просто притащился поглазеть на президента, а такое здесь не приветствуется.

Харрис остановился у приемной палаты, где лежал новенький, и, взяв с держателя карту больного, сделал вид, что внимательно ее изучает.

Президентский кортеж приближался – шаги звучали все ближе, голоса громче.

– Наше новое кардиологическое отделение оборудовано самой современной системой мониторинга, – объясняла с серьезным видом миссис Джефферсон. – Сегодня наш госпиталь не только оказывает клиническую помощь, но и является исследовательским и диагностическим центром...

Не видя ее, можно было подумать, что она читает с листа. Харрис отвернулся.

Теперь они были совсем близко, и он наконец-то узрел главнокомандующего. На лице лидера нации застыло фирменное проникновенно-сочувственное выражение, то самое, что помогло ему остаться на посту на второй срок. В какой момент эти двое, президент и администратор, опередили на несколько шагов остальных. Дарнел Джефферсон повернула к палате, где лежал новый пациент.

Черт, пора убираться, подумал Харрис и быстро, но без особенной спешки проскользнул в приемную, соединенную с палатой зеленой вращающейся дверью. Отсюда он мог видеть, что делается в двух следующих палатах. Взгляд его остановился на новеньком. Обычно такие пациенты ведут себя тихо и смиренно, молча сражаясь со страхом. И, конечно, новенький никак не мог знать, что в нескольких шагах от него по коридору идет президент Соединенных Штатов.

Вот только этот парень вел себя очень странно. Более того, для пациента-сердечника он демонстрировал необычайную активность – сев на каталке, срывал кислородную маску.

Харрис посмотрел на карту, которую снял с двери палаты. Теренс Ли Малдун. Армейский ветеран, участник боевых действий, доставлен из американского военного госпиталя в Ландштуле, Германия. Возраст – двадцать пять лет. Рановато для проблем с сердцем.

В свое время Харрису довелось видеть тысячи сердечников. Недомогания такого рода обычно сопровождаются болезненной бледностью и характерными признаками усталости и общей слабости.

В данном случае ничего подобного не наблюдалось. Даже через две стеклянные двери Харрис видел, что цвет лица у пациента вполне здоровый, а движения уверенные и расчетливые.

В это самое время процессия остановилась в коридоре, а президент и миссис Джефферсон вошли в палату Малдуна. Стекланный закуток не мог вместить больше двух-трех человек, и охранники остались за дверью, шаря глазами по сторонам, вытягивая шеи и бормоча что-то в скрытые микрофоны. Пара фотографов прижали объективы к стеклу.

Поздоровавшись с Малдуном за руку, президент обошел каталку и принял подходящую позу.

Харрис вряд ли мог бы сказать, когда именно понял, что что-то не так. Ни маниакального блеска в глазах самозванца, ни злобного хихиканья, как в кино, – ничего подобного не было. Реальное зло обходится без этого – оно вполне обыденно и заурядно.

Господи, успел подумать Харрис.

Не мог бы он и сказать, когда именно решил действовать. Принятие решения подразумевает некий мыслительный процесс, но ни у Харриса, ни у ничего не подозревающего президента на размышления просто не было времени. Щелкнув по кнопке закрепленной на плече рации и включив тем самым бесшумный сигнал тревоги, Харрис проскользнул через двойную дверь в комнату, примыкающую к той, где находился президент. Он знал, что камеры системы безопасности фиксируют каждое движение, но мнимый пациент его, похоже, не заметил.

Харрис не стал ни кричать, ни делать резких движений. Малдун еще не заметил его, и он не хотел привлекать к себе ненужного внимания. Но действовать пришлось быстро, пусть даже на камерах такое поведение и выглядело крайне подозрительным. Те, кто наблюдали за ним, могли счесть его помешанным или, того хуже, плохим парнем.

События развивались с любопытной неизбежностью. Позже, много позже, Харрис просмотрит обе записи – и с камер наблюдения, и ту, что сделали операторы пресс-корпуса, – но так ничего и не вспомнит.

За считанные секунды до того, как люди в коридоре отреагировали на сигнал тревоги, пациент сбросил термальное одеяло и откинул халат, под которым обнаружились динамитные пашки, приклеенные скотчем к плотно облегающей тело жилетке.

– Пусть кто-нибудь только попробует выстрелить! – прокричал он в стеклянную стену. – Будет фейерверк почище, чем на Четвертое июля!¹ Со мной взлетит все крыло. – Соскочив на пол, он метнул злобный взгляд в замершую от ужаса толпу по другую сторону прозрачного барьера. Пальцы обхватили зажигатель. Взрыв мог последовать в любую секунду.

Президент застыл как вкопанный. Дарнелль Джефферсон в страхе икнула. Харрис тоже замер, но испуга не выказал – помог опыт. Он уже узнал татуировку на предплечье Малдуна: железный сокол и меч – эмблема частей особого назначения.

Итак, они имели дело с человеком, обученным не хуже самого Харриса, тренированным убийцей. Пока что Малдун его не видел – он стоял у стеклянной стены под прицелом дюжины стволов.

Харрис уже рассмотрел самодельный пояс с взрывчаткой. Странно, что санитары со «скорой» ничего не заметили. Взрывчатка была вроде пластиковая, а взрыватель приводился в действие коленно-рычажным механизмом, закрепленным скотчем и соединенным с проводами, которые и должны были при необходимости активировать взрывчатку. Если только у террориста не было другого, скрытого вспомогательного взрывателя, то привести в действие основной он мог только вручную.

Между тем в коридоре сотрудники секретной службы и морские пехотинцы уже действовали в соответствии с протоколом, отработанным до автоматизма бесчисленными тренировками. Входы и выходы будут немедленно перекрыты, отделения приведены в состояние тревоги, на всей огромной заснеженной территории центра завоют сирены. Само здание, вполне возможно, уже было окружено силами безопасности.

Миссис Джефферсон пискнула – звук получился странно высокий для столь представительной женщины – и свалилась в обморок, прихватив с собой и монитор системы жизнеобеспечения. Прибор с грохотом рухнул на пол, и Малдун вздрогнул. Харрис понял, что сейчас последует взрыв. Пальцы, сжимающие зажигатель, на мгновение разжались...

Благодаря Дарнелль у Харриса появился шанс. Больше ему ничего и не требовалось. Но и шанс был только один – профукай, и все поджарится. Или, точнее, разлетятся, как конфетти.

Он пролетел через двойную дверь, видя перед собой только левую руку террориста. Тактика была проста и заключалась в одном-единственном движении, многократно отработанном на тренировках, но ни разу не применявшемся в реальной обстановке.

Малдун вскрикнул – весь вес Харриса, вся сила удара пришлись на запястье. На пол они рухнули вместе.

Громкий, сухой звук напоминал выстрел. Что-то с силой ударило Харриса. Черт, неужто сукин сын успел замкнуть цепь?

Нет, не успел, понял он в следующее мгновение. Переключатель сработал от удара, но зажигание дало сбой. Это была хорошая новость. Плохая состояла в том, что он получил свой заряд. Руки и ноги мгновенно похолодели. Меркнувшее сознание зафиксировало последние мгновения: прячущийся президент... врывающиеся в комнату охранники... пронзительный вой сирен... чей-то крик... В ушах зазвенело. Глотку обжег зловонный дым.

Мир рассыпался, раздвоился. Сознание уходило с вытекающей на пол кровью. Звуки растянулись в подобие призрачного эха, напоминающего тонущий в колодце крик.

– Стоять... ять... ять... – билось в голове. – Никому не двигаться... ать... ать...

Пульс сбился. Сердце не билось – трепыхалось. Лежа в растекающейся луже крови, Харрис представлял, как системы отключаются одна за другой, словно гаснущий после заключи-

¹ День подписания Декларации независимости США от Великобритании, подписана 4 июля 1776 г.

тельного акта свет в театре. Он чувствовал, что дрожит, или это дергался подмятый им убийца. Такая вот смерть... У ног президента... Какая мерзость... Она оскорбляла его чувство пристойности. Впрочем, после смерти это будет уже не важно. Абсолютно не важно. И все равно неприятно...

Харрис видел свое отражение в широкоугольном объективе укрепленной на потолке камеры. Под ним как будто разворачивался чернильный ковер. На картинке все выглядит хуже, чем в действительности. Так он говорил своим пациентам.

Потом на него спустился рой. Рой черных костюмов и парадных мундиров. Подоспевшие сотрудники секретной службы спешили взять ситуацию под контроль: схватить безумца и защитить высшее должностное лицо.

– Расступитесь, – отрывисто и громко бросил кто-то. Слово отозвалось эхом... Эхо умолкло... – Кто-нибудь, помогите же этому парню.

Часть вторая

Лучший способ избежать проблемы – решить ее.
Алан Сапорта,
американский музыкант

Глава 2

Порт-Анджелес, Вашингтон. Лето

– Истина – и это общепризнано – заключается в том, что одинокой женщине с сыном-подростком нужен муж. – Щурясь через свои древние очки, Мейбл Клэр Ньюман посмотрела на Кейт Ливингстон с некоторым даже вызовом, словно ожидая, что подруга посмеет подвергнуть сомнению ее решительное заявление.

– Очень интересно, – сказала Кейт. – Ты говоришь мне это каждый год.

– Потому что каждое лето ты неизменно приезжаешь сюда одна.

– Может быть, мне просто нравится быть одной. Мейбл Клэр выглянула из окна офиса – в джипе, на котором приехала Кейт, мальчик и щенок увлеченно сражались за носок.

– Ты хотя бы встречаешься с кем-нибудь? Ходишь на свидания?

– Сходить на свидание не так уж трудно. Проблема в том, чтобы затянуть их на второе. – Кейт невесело, с наигранной беспечностью усмехнулась. Обычно мужчины терялись, узнавая, что она уже мать. – Кейт родила Аарона в двадцать и всегда выглядела моложе своих лет.

Познакомившись же с ее сыном и узнав о его проблемах, они чаще всего поворачивали обратно.

– Тогда они просто дураки. Просто ты еще не встретила подходящего парня. – Мейбл Клэр лукаво подмигнула. – У Шредеров остановился один их приятель. Думаю, тебе нужно с ним познакомиться.

Кейт демонстративно поежилась:

– Вот уж нет.

– Подожди, ты его еще не видела. А как увидишь, сразу передумаешь. – Мейбл Клэр открыла шкафчик, в котором висели снабженные бирками ключи, и быстро отыскала тот, на котором значилось имя подруги. – Я ждала тебя только завтра.

– А мы решили приехать на день раньше, – сказала Кейт, торопливо беря ключ с надеждой избежать дальнейших расспросов. Хотя она и знала Мейбл Клэр уже несколько лет, поскольку приезжала сюда каждое лето, обсуждать случившееся ей не хотелось. – Надеюсь, все в порядке?

– А что плохого может быть в том, чтобы начать лето на день раньше? В доме и во дворе все убрано. А разве занятия уже закончились? – Мейбл Клэр вытянула шею, чтобы лучше рассмотреть Аарона. – Я почему-то думала, что у ребят еще одна неделя.

– Нет. Последний звонок прозвучал вчера в три пятнадцать, так что третий класс остался для Аарона всего лишь еще одним неприятным воспоминанием. – Кейт порылась в сумочке – цепочка для ключа опять куда-то завалилась. В сумочке скопился целый ворох записочек, которые она, не полагаясь на память, писала для себя. К тому же с записками Кейт чувствовала себя человеком организованным и способным держать все под контролем. Получалось ли – это уже дело другое. На лето у нее было запланировано сразу несколько проектов. Прежде всего нужно переложить кафельную плитку в ванной. Покрасить коттедж снаружи. А еще наладить отношения с сыном, наметить новую карьеру и наконец-то в чем-то найти себя.

Именно в таком порядке? Пожалуй, о приоритетах еще стоит подумать и, может быть, расставить их по-другому.

– Итак, тебе ничего больше не надо? – спросила Мейбл Клэр. – Вдвоем в таком большом доме... тебя это устраивает?

– Нам ничего больше и не требуется, – сказала Кейт, ловя себя на мысли, что, когда из всей семьи к озеру летом приезжает только кто-то один, это действительно немного странно. Раньше было не так. Летний отпуск на озере Кресент считался чем-то вроде неперменного паломничества, и Ливингстоны прикатывали сюда всей семьей. Но в последнее время кое-что изменилось. Брат Кейт, Фил, его жена и трое детей перебрались на Восточное побережье. Их мать, овдовевшая пять лет назад, вышла замуж на Валентинов день и уехала во Флориду. В доме в западном Сиэтле остались только Кейт и Аарон. Иногда казалось, что какая-то неведомая сила распутала тесные семейные узы и разбросала близких по разным углам континента.

Этим летом в большом, с шестью спальнями, коттедже их будет только двое – она и сын. Хватит ныть, напомнила себе Кейт и старательно улыбнулась Мейбл Клэр:

– Ну а ты как поживаешь?

– Принимая во внимание все обстоятельства, можно сказать, хорошо. – Два года назад Мейбл Клэр потеряла мужа. – Иногда бывает такое чувство, будто я все еще замужем, а Уилбур просто вышел куда-то. А порой кажется, что он так же далек, как звезды. Но я в порядке. Люк, это мой внук, проводит лето здесь же, со мной. Спасибо.

Кейт проставила даты в формуляре – в эти дни у них будут забирать мусор. Впереди целое лето, восхитительно долгое, чудесное, целая цепочка пустых дней, заполнить которые можно всем, чем только пожелаешь. Целое лето. Лето для себя самой. Можно определиться со своей жизнью, с будущим, с сыном.

– По-моему, ты выглядишь усталой, – заметила Мейбл Клэр.

– Немножко вымоталась, вот и все.

– Лето на озере многое может поправить.

Кейт снова натянуто улыбнулась:

– Верно. – Откуда-то взялось вдруг чувство, что одного лета может и не хватить.

– Муж, видите ли, нужен. Еще чего, – пробормотала Кейт, запирая джип и опуская стекло ровно настолько, чтобы их щенок Бандит получал свою порцию свежего воздуха. Аарон уже побежал к магазину. «Черта с два, – подумала она, поглядывая на проходящего мимо парня. – Найти кого-нибудь на одну ночь всегда можно, а больше мне сейчас и не надо».

Клетчатая рубашка, грубоватые рабочие брюки, тяжелые ботинки, бейсболка с эмблемой «Джон Дир» – так одевались здесь многие. Высокий, широкоплечий. Походка твердая, решительная, как у военного. Волосы, пожалуй, длинноваты. Очки «Страйк кинг». А что это под бейсболкой? Маллет?² Определить с такого расстояния было трудно. Нет, просто волосы длинноваты. Ничего такого, что нельзя поправить, щелкнув пару раз ножницами.

– Мам? – вторгся в ее мысли детский голос. – Мам? – Аарон уже катил тележку, найденную где-то на стоянке.

– Ведешь себя как нетерпеливый горожанин.

– Я и есть нетерпеливый горожанин.

Они прошли под вывеской с изображением смеющегося розового поросенка, уже много лет охранявшего вход в бакалейный магазин. Рекламный щит призывал покупать «нежный бекон Мейпл» – всего по 99 долларов за фунт.

«И чему ты так радуешься», – мысленно спросила Кейт, обращаясь к счастливому поросенку. В магазин они приехали запастись съестным – с прошлого года в коттедже не осталось

² Маллет (*англ.* mullet) – тип прически (стрижки), волосы подстрижены коротко спереди и по бокам, а сзади остаются длинными.

ни крошки. Кейт нравилось приходить сюда именно в первый день – ты как будто начинаешь все с нуля, заново. К тому же на этот раз выбор продуктов зависел исключительно от нее самой. Рядом не было ни матери, ни старшего брата, и она чувствовала себя по-настоящему взрослым, серьезным, ответственным человеком. Подумать только.

– Мам? – Аарон обиженно смотрел на нее снизу вверх. – Ты даже не слушаешь.

– Извини, дружок. – Она набрала в пакет слив и положила в тележку. – Немножко задумалась.

– О чем? Расскажи. Тебя уволили с работы или просто сократили? – спросил он, катясь рядом на подножке тележки. Кейт повернула к следующему проходу. Сын смотрел на нее из-за горки коробок с крупами и пакетов с сухофруктами. Смотрел выжидающе и строго.

Аарону было всего только девять, но его не по-детски серьезный вопрос застал ее врасплох.

– Может быть, я сама ушла. Ты об этом не подумал?

– Ты бы никогда сама не ушла. – Он прихватил с полки пакетик «Джолли ранчерс» и бросил в тележку.

Кейт тут же вернула конфеты на место. «Джолли ранчерс» вредили зубам больше самого плохого дантиста.

– Почему ты говоришь, что я бы никогда не ушла? – растерянно спросила она. Подрастая, Аарон все чаще выражал собственное, отличное от ее, мнение и нередко говорил вещи, которые не только удивляли, но даже пугали.

– Потому что это правда. Сама ты ушла бы только в одном случае, если бы подвернулось что-то получше, а я точно знаю, что это не так. У тебя так не бывает.

Кейт побарабанила по потертой пластиковой ручке старенькой тележки и свернула в проход с консервами.

– Неужели? А почему ты так уверен?

– Потому что ты заходишься.

– Я не захожусь.

Но, конечно, сын был прав. Она и впрямь заходилась. Вечерами бродила по комнатам, подолгу стояла у окна и нередко ложилась, когда на паромных терминалах уже гасли огни. Именно в это время ей становилось невыносимо одиноко и страшно. Именно в это время Кейт-оптимистка проваливалась в бездну отчаяния. Будь у нее влечение к спиртному, именно в это время она тянулась бы к бутылке. *L'heure bleue*³, так называют французы этот час между тьмой и рассветом. В этот час маска бодрости, веселости, жизнерадостности спадала, и Кейт уступала тому, что сама ненавидела, – депрессии. То был час раздумий, размышлений о том, где она и куда пойдет дальше. То был час, когда главная задача – вырастить Аарона – представлялась слишком трудной, почти невыполнимой. И каждое утро, к рассвету, она выползала из ямы отчаяния и встречала день, готовая идти дальше.

– Покупать надо продукты, помеченные стакером «ЖД», – посоветовал Аарон, указывая на черно-зеленый ярлычок под полкой с консервированным тунцом.

Кейт поспешно, словно банка с альбакором⁴ тяпнула ее за палец, вернула консервы на место.

– Почему, скажи на милость, ты так говоришь?

– Чандлер рассказывал, что у его мамы тонны продуктов с этой этикеткой – «Для женщин и детей», – объяснил Аарон. – Это фи... феде... в общем, какая-то программа для бедняков.

– Мы не бедняки, – отрезала Кейт, даже не заметив, что повысила голос.

³ Предрассветный час (*фр.*).

⁴ Альбакор – известен также под названием длинноперый тунец.

Какой-то мужчина в конце прохода обернулся и посмотрел на нее. Нет, не какой-то, а тот самый, которого она видела чуть раньше на парковочной стоянке. Только теперь он был ближе. Густая щетина не помешала рассмотреть четкую линию волевого подбородка. Солнцезащитные очки уступили место обычным, в роговой оправе, с обмотанной скотчем дужкой. В то мгновение, когда их взгляды встретились, Кейт успела заметить, что глаза у него цвета выдержанного виски. Он что же, лузер? Компьютерный фанат?

Кейт отвернулась, пряча вспыхнувшее лицо, и покатила тележку в другом направлении.

– Видишь? Вот почему ты никогда сама работу не бросишь. Ты слишком смущаешься из-за того, что мы бедные.

– Мы не... – Она осеклась, медленно и глубоко вдохнула. Надо успокоиться. – Послушай, дружок. У нас все нормально. Даже лучше чем нормально. В газете у меня не было никаких надежд на продвижение, так что в любом случае подошло время что-то менять.

– Так мы бедные или нет? Мог бы и потише говорить.

– Нет, нет, – заверила его Кейт.

Вообще-то ее зарплаты в газете едва хватало на жизнь, и большую часть дохода она получала от сдачи в аренду доставшейся от отца недвижимости. И все же работа значила для нее многое. Кейт была обозревателем, колумнистом и теперь, когда ее сократили, чувствовала себя так, словно из-под ног выдернули коврик.

– Просто нам придется провести все лето вместе, вдвоем. – Она посмотрела на сына и, прежде чем выражение на его лице стало совсем уж несчастным, спросила: – У тебя с этим какие-то проблемы?

– Да. – Он лукаво улыбнулся. – Может быть.

– Какой хитрец. – Она натянула ему на глаза козырек бейсболки и подтолкнула вперед. Господи, оглянуться не успеешь, как твой рыженький, с конопушками малыш станет одного с тобой роста.

Настроение у него сменилось совершенно неожиданно, без какой-либо видимой причины.

– Тупое лето! – взорвался он, и глаза вдруг превратились в узенькие щелочки, а щеки побледнели. – Еще одно тупое, скучное лето! И зачем я только поехал!

– Аарон, не начинай...

– Я и не начинаю. – Он сорвал бейсболку и бросил на пол посреди прохода.

– Вот и хорошо. – Ей стоило немалых усилий не сорваться. – Мне нужно сделать покупки. Чем скорее мы закончим, тем быстрее попадем к озеру.

– Ненавижу озеро.

Надеясь, что они не привлекут к себе ненужного внимания, Кейт объехала сына и торопливо покатила тележку дальше. Ее только что не трясло. Главное – не сдаться, не уступить, не позволить, чтобы его неспособность контролировать свое поведение управляла ею. Когда же это кончится? Она консультировалась с докторами и психологами, прочла сотни книг и статей на эту тему, но никто так и не смог помочь ей решить эту проблему. Пока что самым эффективным представлялось время. Минуты растягивались до бесконечности, пока Кейт ходила туда-сюда по рядам, совершенно не обращая внимания на сына. Порой она отчаянно жалела, что не может забраться к нему в голову, найти источник боли и как-то все поправить. Но для тех невидимых ран, что он носил в себе, не было ни лейкопластыря, ни мази. Люди, исполненные самых благих намерений, желающие ей только добра, в один голос говорили, что мальчику нужен отец. Еще бы! Голос у нее за спиной прозвучал тихо, покаянно.

– Мам, прости. Я больше не буду. Не буду беситься и кричать.

– Надеюсь. – Сердце ее разрывалось, как случалось всякий раз, когда они ссорились. – Когда ты выходишь из себя и кричишь, это ужасно неловко и горько.

– Знаю. Прости, – повторил он.

В запасе у нее была по меньшей мере дюжина стратегий дальнейшего поведения. Но они провели целых три часа в дороге, добираясь сюда из Сиэтла, и теперь Кейт не терпелось как можно скорее вернуться в коттедж.

– Нам нужна маршмеллоу⁵.

Сын облегченно выдохнул, лицо его смягчилось, и он снова стал самим собой, покладистым, добродушным Аароном, таким, каким его слишком редко видели учителя в школе. Гроза налетела, но быстро прошла, не оставив горького послевкусия.

– Пойду поохочусь, – сказал он.

За те годы, что они приезжали сюда, у них выработались некоторые традиционные ритуалы, уходящие корнями в древние, мистические знания. Некоторые вещи всегда делались с соблюдением определенных правил. Приготовление маршмеллоу было одним из таких ритуалов. Так, крекеры полагалось брать только медовые и уж никак не коричневые, а пастилу следовало закатывать в миниатюрные конфетки M & M's. Никакие другие варианты не проходили. В тот вечер, когда готовили маршмеллоу, все обязательно разгадывали шарады на берегу. Кейт попыталась мысленно составить список прочих традиционных развлечений и вздохнула – как бы чего не упустить. К ужину непременно созывали ударом в висящий над крыльцом старый корабельный колокол. В начале июля в скособоченном придорожном киоске покупались фейерверки для празднования Четвертого июля. В день летнего солнцестояния из чулана доставали покрытый паутиной набор для крокета и играли ровно до заката, до десяти вечера, причем с таким азартом, словно на кону стояла чья-то жизнь. Если шел дождь, на свет божий извлекалась доска для скрэббла, что не мешало страстям бушевать с не меньшей силой. Этим летом подростку Аарону предстояло освоить искусство «хартс» и виста, хотя Кейт и сомневалась, что при наличии всего двух игроков у них что-то получится.

Все эти традиции были изобретены еще до появления Кейт на свет и передавались из поколения в поколение со всей торжественностью, подобающей древнему обряду. Она давно заметила, что и Аарон, и дети Филя приняли эти обычаи как нечто важное и стали горячими их приверженцами.

Аарон вернулся с пакетиком M & M's, пастилой и крекерами.

– Спасибо, – сказала Кейт, бросая их в тележку. – Думаю, на первое время хватит. – Двигаясь по последнему проходу, она снова заметила парня в зеленовато-желтой бейсболке с эмблемой «Джон Дир» у отдела с рыболовными принадлежностями. На этот раз на него обратил внимание и Аарон. Несколько секунд мальчик смотрел на незнакомца не отрывая глаз. Когда тот сунул большой палец в задний карман джинсов, Аарон машинально сделал то же самое. Чем старше, тем больше он идентифицировал себя с мужчинами, даже чужими, как этот незнакомец в магазине.

Кейт вдруг поймала себя на том, что и сама исподтишка присматривается к незнакомцу. Самым поразительным в нем было странное сочетание откровенной мужской сексуальности и грубоватости, характерной для обитателя захолустья. Интересно, не слышал ли он их с Аароном перепалку?

«Стоп, – приказала себе Кейт, направляя тележку к кассе. – Остановись. Тебе нет никакого дела до того, что думает о вас этот мужлан с маллетом. У такого, наверно, и свидетельства о рождении нет».

– Аарон, нам пора. – Она отвернулась, чтобы не встретиться с незнакомцем взглядом, и притворилась, что рассматривает журналы. Вообще-то этим ее интерес к средствам массовой информации и исчерпывался. Порой Кейт становилось стыдно перед собой – считая себя журналисткой, она не смотрела телевизор, не читала газет и вообще вела себя совсем не так, как

⁵ Маршмеллоу – мягкое воздушное кондитерское изделие, приготовленное из желатина, сахара, ароматизаторов.

принято у большинства представителей вышеназванной профессии. В результате ее работа в газете свелась к редким обзорам скромного мира моды Сиэтла.

Журнал «Пипл» объявлял ретроспективу: «Звезды реалити-ТВ – где они теперь?»

– Для меня уж точно самый животрепещущий вопрос, – пробормотала под нос Кейт.

– Давай возьмем вот этот, про двухголового младенца. – Аарон ткнул пальцем в какой-то таблоид. Она покачала головой, успев скользнуть взглядом по небольшой фотографии парня с чеканными чертами лица, пронзительными глазами, короткой, в армейском стиле, прической и лихими усиками. «Герой Америки захвачен приверженцами культа террора» – гласил заголовок.

– Тогда «ТВ-гид», – предложил Аарон.

– У нас нет телевизора.

– Я хотя бы буду знать, что пропускаю и... Пстой, мам... Посмотри-ка, твоя! – Он схватил со стойки газету и протянул ей.

Руки вдруг похолодели, сердце заколотилось где-то у самого горла, пальцы задрожали. В такие моменты Кейт ненавидела себя за слабость – это ведь всего лишь газета! – но ничего не могла с собой поделать. Газета называлась «Сиэтл ньюс», выходила раз в неделю и обычно содержала заметки о местных группах, стихотворные подборки, обзоры фильмов и прочие материалы на культурные темы. Сама Кейт, в дополнение к чисто производственной работе, в последнее время писала о моде и извела море чернил, описывая характерную для жителей Сиэтла тенденцию носить носки с сандалиями или сравнивая достоинства и недостатки таких явлений моды, как пирсинг и тату.

Но, по мнению ее редактора Сильвии, этого было недостаточно. И вместо признания за безупречную пятилетнюю службу Кейт получила «розовый листок»⁶.

Она развернула газету. Взгляд сам скользнул в верхнюю половину второй страницы, где долгое время, с самого начала, помещалась ее колонка. Теперь над кричащим заголовком новой рубрики красовалась хитро усмехающаяся физиономия «Стильной девчонки». «Стильная девчонка», называвшая себя Венди Норвич, звалась в реальной жизни Элси Крамп и до самого последнего времени обрабатывала корреспонденцию. Повысили Элси, вероятно, за огромное самомнение – от ее речей у Кейт неизменно начинали ныть зубы. Сегодняшняя тема была посвящена обзору местных салонов красоты.

В самом низу страницы скрывалось скромное, набранное мелким шрифтом извещение: «Модный приговор» Кейт временно закрыт».

Вот так. Вся ее профессиональная жизнь уложилась в пять слов.

– Мам, а что значит «временно закрыт»? – спросил Аарон.

– Это значит, что я как бы в отпуске, – объяснила Кейт, чувствуя, как к горлу подступает комок, и презирая себя за это. Она закрыла газету и сунула на место. *Отпуск. Только я из него уже не вернусь.*

– А жевательную резинку можно? – спросил Аарон, не подозревая о ее душевных терзаниях. – Без сахара. – Он повертел пакетиком, количество вкладышей в котором намного превышало количество пластинок собственно продукта.

– Конечно, можно. – Она наклонилась, чтобы переложить покупки на конвейерную ленту.

За спиной у нее стояла пожилая пара. С первого взгляда было ясно, что эти двое вместе всю жизнь. В их манере держаться присутствовала та легкая непринужденность, что приходит после долгих лет близости и заботы друг о друге; их соединяла та особая связь, что позволяла общаться взглядом или жестом.

Глядя на них, Кейт ощутила в себе ужасную пустоту. Ей было уже двадцать девять, а она до сих пор так и не испытала одной из самых главных радостей жизни. Ни один мужчина не

⁶ Розовый листок – (от *англ.* pink slip) – извещение об увольнении.

признавался ей в любви. Она не представляла, каково это – чувствовать, что с тобой рядом верный, надежный спутник жизни, человек, на которого можно положиться, тот, кто вопреки всему останется с тобой до конца. Да, у нее есть сын, которого она обожает, родные, которые всегда и во всем помогают и поддерживают. Кейт была благодарна судьбе за все это и иногда чуть ли не стыдилась того, что жаждет большего, мечтает о чем-то еще.

И все же порой, когда Кейт видела счастливую, обнимающуюся, забывшую обо всем на свете пару, она чувствовала глубокую, щемящую боль пустоты. Любить – со стороны это выглядело так просто. Но с ней этого почему-то не случалось. Жизнь обделила ее.

Когда-то, уже давно, Кейт всем сердцем верила, что они с Натаном любят друг друга. Потом, слишком поздно, выяснилось, что никакого надежного основания под тем, что у них было, нет, а их отношения, не выдержав серьезного испытания ее беременностью, рассыпались, словно льдина, на кусочки, постепенно разнесенные течением в разные стороны.

Разгружая тележку, Кейт ощутила на себе взгляд парня в бейсболке «Джон Дир». В том, что он наблюдает за ней, не было ни малейших сомнений, хотя его глаза и прятались за стеклами очков. Их разделяло два ряда, и Кейт, повернувшись, увидела только его спину, но она могла бы поклясться, что еще секунду назад он смотрел на нее. Может, хотел проверить, пользуется ли она продовольственными талонами.

А вот это уж не твое дело, подумала Кейт. Тоже мне, еще и с маллетом. Ее взгляд скользнул по широким плечам под клетчатой рубашкой.

Счет превысил ее ожидания, но Кейт успокоила себя той мудрой мыслью, что начиная с нуля человек всегда тратит вначале чуть больше. Она провела платежной картой по автомату и с удивлением увидела сообщение об ошибке. Отлично! Она повторила попытку, и на этот раз машина дала другой ответ: «Пожалуйста, подождите кассира».

– Похоже, моя карточка не работает. – Кейт протянула карточку кассирше.

Та набрала код вручную.

– Извините, мэм. Запрос отклонен.

Отклонен. У нее засосало под ложечкой.

– Я выпишу чек. – Кейт принужденно улыбнулась и достала из сумочки чековую книжку.

– Мы принимаем только местные чеки, – извиняющимся тоном предупредила кассирша.

Кейт оглянулась на стоящую за спиной пожилую пару.

– Хорошо, я расплачусь наличными, – пробормотала она. – Вы ведь принимаете наличные?

– А у тебя хватит? – спросил Аарон, и его пронзительный голосок наверняка долетел до парня в бейсболке.

Молча поджав губы, Кейт пересчитала наличные – четыре двадчатки, десятку, две бумажки по доллару и тридцать три цента мелочью – и взглянула на дисплей кассового аппарата.

– Пошарь по карманам, Аарон. Мне не хватает двух долларов и девяти центов.

Сын запустил руку в карман «ливайсов», а Кейт изо всех сил старалась удержать улыбку, стиснув зубы и избегая встречаться глазами как с кассиршей, так и с пожилой парой.

Какой позор. Какой позор. Только эта мысль и билась в голове, отгоняя все прочие. *Ненавижу.*

– У меня четвертак и пенни, – сказал, сосчитав мелочь, Аарон. – И больше ничего. – Он положил монетки ей на ладонь.

– Ладно, придется положить что-нибудь на место. – Кейт с удовольствием провалилась бы в этот миг сквозь землю. – Извините, – сказала она стоявшим за ней старичкам и потянулась за пакетом «Читос», их любимым лакомством.

– Только не «Читос». Что угодно, кроме «Читос», – процедил сквозь стиснутые зубы Аарон.

– Оставьте все как есть, – произнес рядом густой спокойный голос. – Я доплачу.

Еще не обернувшись, Кейт уже поняла, кто пришел на помощь. Разумеется, спасителем был он, парень с маллетом. Она перевела дыхание и обернулась. *Уходи. Мне никто не нужен. Я справлюсь сама.* Все эти слова так и остались при ней. Вслух же прозвучало лишь скромное:

– В этом вовсе нет такой уж необходимости...

– Никаких проблем. – Он протянул кассирше два доллара и, подхватив пакет с покупками, направился к выходу.

– Спасибо! – крикнул ему в спину Аарон. Незнакомец не обернулся, а лишь козырнул по-военному и вышел.

Смущенная и растерянная, Кейт переложила продукты в тележку и поспешила к выходу, надеясь перехватить спасителя до того, как он уедет, но опоздала – зеленый пикап уже выезжал со стоянки.

– Какой любезный, да? – заметил Аарон.

– Да.

– А ты даже забыла поблагодарить.

– Не забыла. Просто растерялась в первую секунду, а потом он так быстро ушел, что я не успела ничего сказать.

– Ты не растерялась, – поправил Аарон. – Ты смутилась, и тебе было стыдно.

Кейт уже открыла рот, чтобы возразить сыну, но лишь беспомощно пожала плечами.

– Я чувствовала себя совершенно униженной. – Ей удалось собраться с силами, чтобы улыбнуться сыну. – Мне не следовало так говорить. Я должна напомнить, что доброта чужих людей – явление редкое и удивительное.

– Редкое, удивительное и унижительное.

– Ладно, умник, помоги-ка перенести все побыстрее в машину. Посмотрим, удастся ли нам добраться до озера до того, как растает мороженое.

Глава 3

Принадлежащий Кейт «джип-чероки» видал и лучшие дни, но на озере без него было не обойтись – только ему покорялись проселки и объезды, пролегающие между горами и через дождевые леса полуострова Олимпик. Бандит встретил их так, словно не видел по меньшей мере год, и теперь радостно повизгивал и вертел хвостом.

– А теперь к озеру, – весело сказала Кейт. – В нашем распоряжении весь дом, как тебе такой расклад?

Едва реагируя на слюнявые ласки Бандита, Аарон молча защелкнул пряжку ремня безопасности, и Кейт с опозданием поняла, что сказала что-то не так.

– У нас будет отличное лето.

– Конечно. – Сын явно не разделял ее энтузиазма. Уловив в голосе Аарона настороженность, она вдруг подумала, что разделяет его опасения, да вот только поделиться ими с ним не может.

Он посмотрел на нее с недетской, неизменно сбивающей ее с толку пронизательностью.

– Тебя ведь из-за меня выгнали, да?

– Нет. Меня выгнали, потому что Сильвия не в состоянии распознать настоящий талант. Ей недостает гибкости. Для нее самое важное – сроки и прибыль. – Кейт прикусила губу. Что толку изливать свои обиды сыну, если он все это уже знает. Во всем случившемся самым неприятным, самым обидным было то, что ее выгнала Сильвия Лэтем, главный редактор. Как и Кейт, Сильвия была матерью-одиночкой. Но, в отличие от Кейт, образцовой матерью-одиночкой с двумя образцовыми малышами. Собственный успех давал ей основание полагать, что каждая женщина может и должна управляться с карьерой и семьей с такой же ловкостью, как и она сама.

Кейт опустила голову, пряча от сына лицо. В свои девять лет Аарон знал и понимал намного больше, чем ожидали от него люди. Как и любой мальчишка, он знал, что матери-одиночке, чтобы заботиться о ребенке, приходится отказываться от работы. Такова одна из основополагающих реальностей современной жизни. Почему этого не понимает Сильвия? Очень просто – потому что за ее образцовыми малышами присматривает образцовая няня. До прошлого года за Аароном, когда он пропускал школу, присматривали бабушка и иногда тетя. После того как обе уехали, Кейт пыталась справиться со всем собственными силами. И у нее ничего не получилось. Полный и безусловный провал.

– Мне нужно позвонить в банк и выяснить, что не так с платежной картой, – сказала она, доставая из сумочки сотовый. – У озера нет приема.

– Скучотища, – протянул Аарон, шлепаясь на сиденье.

– Я сейчас, дружок. – Кейт набрала номер с карточки и, прослушав все предложенные варианты – «поскольку наше меню изменилось», проворковал записанный голос, – повторила бессмысленную комбинацию цифр – только лишь ради того, чтобы узнать, что банк, работающий по времени Восточного побережья, уже закрыт. Откинувшись на спинку сиденья, она глубоко вдохнула и постаралась успокоить Аарона:

– Ничего, я разберусь с этим позже. И еще мне нужно позвонить Джорджи.

Все пять внуков, четверо Филя и Барбары плюс Аарон, звали ее мать Джорджи.

– Только не разговаривай долго, – попросил Аарон. – Пожалуйста.

Набрав новый, непривычный номер, Кейт подождала соединения. Ответил мужской голос.

– Это Клинтон Доу. – Второй муж Джорджи отличался вежливой сдержанностью.

– А это Кэтрин Эллис Ливингстон, – в тон ему сказала она.

– Кейт. – Улыбка согрела прохладный тон, каким он разговаривал с чужими. – Как ты?

– Отлично. Мы в Порт-Анджелесе. Отправляемся к озеру.

– Похоже, вас ждет большое приключение, – весело заметил Клинтон. И кто бы мог подумать, что совсем недавно, еще весной, он настаивал на том, чтобы ее мать продала коттедж. Клинтон называл его белым слоном, приносящим одни лишь убытки – налоги ведь никто еще не отменял – и не имеющим никакой практической пользы. Сделав такое заявление, он едва не лишился симпатий двух своих новообретенных внуков. Ливингстоны владели домом у озера с двадцатых годов прошлого века; отставной же бухгалтер, за спиной которого висели развод и вдовство, появился в их жизни намного позже.

– Мы никогда его не продадим, – сказал тогда Фил. – Никогда. Это не обсуждается. – Для Филадельфии не имело никакого значения, что он сам укатил на другое побережье и бывать в коттедже сможет лишь изредка. В их представлении дом у озера давно стал воплощением всего особенного, волшебного и прекрасного, что только есть в лете, и продать его было бы святотатством.

– Сейчас позову твою мать, – сказал Клинтон. – Рад был тебя услышать.

Воспользовавшись паузой, Кейт подъехала к самому краю парковочной площадки, откуда открывался вид на бухту. За свою не столь уж и долгую жизнь она бывала здесь, наверное, сотни раз. И никогда не уставала от того, что видела. Порт-Анджелес был не совсем обычным городком, спутанной электрической гирляндой из дешевых мотелей и закусочных, затейливых пансионатов, стрип-моллов с ободранной краской и парковок с вздувшимся асфальтом, прибрежных ресторанчиков и магазинов. Несколько раз в день воды пролива Хуан-де-Фука устало рассекал паром «Кохо». Там, на другом берегу, в Виктории, городке на территории Британской Колумбии, его часами ожидали автомобили, желавшие получить скромное местечко на борту.

– Итак, вы отправляетесь навстречу миру дикой природы, – раздался в трубке бодрый голос матери.

– Но только вдвоем.

– Лучше бы ты привезла Аарона сюда, – сказала Джорджина. – Подумай сама, от нас до «Уолт Дисней уорлд» не больше часа езды.

– Именно поэтому я и не хотела его привозить. «Дисней» не для меня.

– А как насчет Аарона?

– Да, ему бы, конечно, понравилось, – призналась Кейт. – И тебя он бы с удовольствием повидал. – Она повернулась – Аарон перебирал покупки, отыскивая, наверное, что-нибудь вкусненькое. Обнаружив пакет с вишнями, он тут же нашел себе занятие: забрасывал ягоду в рот и выплевывал косточку в окно, соревнуясь сам с собой в дальности полета «снаряда». Бандит, становившийся невероятно вежливым, когда люди ели, наблюдал за происходящим сдержанно, но внимательно. – Но это лето мы хотим провести здесь, – напомнила матери Кейт. – Самое подходящее место.

– Как скажешь. – Джорджина никогда не любила дом у озера так, как любили его остальные Ливингстоны, хотя из уважения к мнению детей и памяти покойного мужа никогда и не шла наперекор их желаниям и проводила в коттедже каждое лето. Теперь, выйдя замуж во второй раз, она с куда большим удовольствием оставалась во Флориде.

– Вот я и говорю. По крайней мере, смогу наконец уделить время сыну и решить для себя, кем я хочу стать, когда вырасту.

– Кончится тем, что вы оба на стену полезете от скуки, да еще и переругаетесь, – предупредила Джорджина.

Кейт представила новый дом матери – шикарный кондоминиум с полем для гольфа. Вот уж где точно на стену полезешь от скуки.

Дав Аарону поздороваться с бабушкой, она позвонила Филу, но попала на голосовую почту и оставила короткое сообщение.

– Ну вот, теперь я у всех, у кого надо, отметилась.

– Не очень-то их много.

– Дело не в количестве, а в том, насколько эти люди важны для тебя, – объяснила Кейт, с грустью подумав о том, как им будет не хватать Фила со всей его семьей. Впрочем, грустные мысли нужно держать при себе. Пусть Аарон верит, что их ждет самое лучшее лето. Бывали моменты, когда она отдала бы, наверное, все на свете за возможность поплакаться кому-то в жилетку, опереться на сильное плечо, поделиться тревогами и заботами, но ей и в голову не приходило использовать в этой роли сына. Да, некоторые матери ищут у детей моральной поддержки и опоры, но Кейт считала, что поступать так несправедливо. Дети ведь существуют не для этого.

Год назад один консультант по семейным проблемам посоветовал ей стать своим собственным партнером, обсуждать с собой все важные жизненные вопросы, спорить, находить пути решения выхода из трудных ситуаций. Не помогло, но она, по крайней мере, нашла приятного собеседника.

– Готов? – спросила Кейт, забирая у Аарона телефон. Выехав со стоянки, джип выкатился на шоссе 101 и повернул на запад. Дорога уходила все дальше в глубь полуострова, и обступавшие ее с обеих сторон леса, в основном пихтовые и кедровые, понемногу сгущались. Поднимаясь на двести и даже больше футов, эти статные, поросшие мхом деревья нависали над двухполосным шоссе, словно стены некоего загадочного, сказочного собора. Пробивающийся сквозь плотные кроны послеполуденный солнечный свет расслаивался на зеленые и золотистые полосы, ложившиеся на дорогу пестрыми, подвижными узорами.

Удаляясь от портового городка, они словно углублялись в некий другой мир, отделенный от привычного и существующий сам по себе. Здесь их окружала тишина, такая же необъятная и глубокая, как и окружавшие озеро первозданные леса. Природа этого мира оставалась неизменной благодаря стараниям Службы национальных парков. Здесь Аарон чувствовал и переживал все то, что чувствовали и переживали детьми сама Кейт и ее брат, их отец и дед. Она до сих пор помнила, как, сидя в стареньком отцовском универсале, опускала окно, подставляла лицо освежающему ветру и с наслаждением вдыхала густой аромат мха и кедра. Правда, Фил нередко доводил ее до слез своими изощренными издевательствами – у него был особенный талант мучителя, – но Кейт уже давно простила брата за те давние детские проказы. Удивительно, но впоследствии он, словно по велению доброго волшебника, превратился в ее лучшего друга.

В пяти милях от озера они миновали последний холм, где еще поддерживалась сотовая связь. Здесь находилось «Кафе Грэмми», славившееся прекрасными пирогами с ежевикой.

На обочине, в стороне от парковки, Кейт заметила зеленый пикап. Сбросив скорость, она увидела водителя, судя по всему менявшего переднее колесо.

Парень в бейсболке с эмблемой «Джон Дир». Тот самый, что спас ее в продуктовом магазине.

Кейт притормозила, остановилась и, осторожно сдав назад, съехала на обочину. Она понятия не имела, как менять колесо, а он, скорее всего, не нуждался в ее помощи и даже не хотел ее. Но тем не менее Кейт остановилась – как-никак за ней остался должок.

– Ты что делаешь? – спросил Аарон.

– Оставайся на месте. И Бандита не выпускай. – Кейт вышла из машины и направилась к пикапу.

Здесь, в пышном окружении лесов, незнакомец выглядел, пожалуй, даже поинтереснее, чем в бакалейном магазине, как и должно быть, когда человек попадает в родную стихию. В какой-то момент ей стало немного не по себе. Пустынная дорога, вокруг ни души – если он вдруг набросится на нее, звать на помощь некого. Брат часто упрекал ее в излишней доверчивости, наивности, но Кейт просто не умела быть другой. Обычно она доверяла людям, и они редко ее подводили.

– Осторожнее, не подходите, – предупредил незнакомец, подняв на секунду голову. – У меня здесь раненое животное.

На приглашение поболтать не похоже.

Вытянув шею, Кейт увидела лежащего на боку енота. Зверь бился и издавал пронзительные звуки. Незнакомец – Кейт уже заметила на руках у него резиновые перчатки – пытался засунуть сопротивляющегося зверька в холщовый мешок, но тот не давался.

Вопреки полученному приказу из машины уже выпрыгнул Аарон. Оставшийся в джипе Бандит тоже рвался на волю и жалобно скулил.

Кейт схватила сына за плечо.

– Мы можем как-то помочь?

– Этот... черт! – Незнакомец подался назад.

– Укусил? – осведомилась Кейт. Он повертел руку.

– Попытался.

– Вы его сбили? – спросил Аарон. Губы у него дрожали – вид больных или раненых животных всегда приводил его в ужас.

– Нет. Нашел уже в таком состоянии. – Незнакомец отвел наконец глаза от енота и посмотрел на них. Кейт показалось, что он узнал ее, и его большое, поджарое, мускулистое тело отозвалось едва заметным напряжением.

– Он умрет? – дрожащим голосом спросил Аарон.

– Надеюсь, что нет. В Порт-Анджелесе есть приют для диких животных. Там его наверняка спасут – надо только довести.

– И откуда только силы? Он ведь едва живой.

– Животные, когда им грозит опасность, задействуют дополнительные ресурсы. А инстинкт выживания у них очень сильный.

– Послушайте, вы можете воспользоваться иглу. – Аарон нырнул в джип.

Кейт помогла сыну освободить большой, на сорок пять галлонов, кулер, размеры которого вполне позволяли поместить в него еще не подросткового енота. Совместными усилиями они вытащили кулер из машины, подтянули к пикапу и накрыли им зверька. Енот бился и царапался, но незнакомцу все же удалось просунуть снизу крышку, после чего кулер перевернули, а крышку закрепили.

– А он не задохнется? – поинтересовался Аарон. Кейт вытащила спускную пробку.

– Думаю, с ним все будет в порядке. Незнакомец поставил кулер в кузов, где уже лежали какие-то инструменты, банки с лаком и бензопила. За спинкой водительского сиденья, в ружейной стойке, Кейт заметила удочки и кофейную чашку. Когда он повернулся, она смогла рассмотреть его получше. Суровые черты, жесткий, резко очерченный рот, густая тень щетины – идущая от него волна сексуальности разила наповал. У нее задрожали колени. «Ох, Кейт, какая же ты жалкая».

– Спасибо, – сказал парень в бейсболке.

Аарон, сам того не замечая, расправил плечи и выпятил грудь – он всегда так пыжился в присутствии другого мужчины. Кейт потрепала сына по голове.

– Вы где-то поблизости живете? – спросил незнакомец. – Я могу завезти кулер, когда закончу?

Кейт заколебалась. Сообщать, где ты живешь, человеку, которого совсем не знаешь, не слишком-то благоразумно. Тем более если живешь в укромном месте, в коттедже у озера, где твоих криков никто не услышит.

Словно прочитав ее мысли, он едва заметно улыбнулся:

– Я остановился у Шредеров. Это на озере Кресент.

У Шредеров. Когда-то, в далеком детстве, она частенько играла с Сэмми и Салли Шредерами. И Мейбл-Клэр, похоже, именно о нем говорила. *Подожди, ты его еще не видела.* Да и может ли быть опасным человек, спасший раненого енота?

– Мы недалеко от вас, примерно в четверти мили вниз по дороге. Там еще указатель перед поворотом – «Ливингстоны». Я – Кейт Ливингстон, а это Аарон.

– Рад познакомиться. Извините, что не подаю руку – я же вступаю в контакт с дикой природой.

Ничего особенного, но Кейт глуповато, как ей показалось, хихикнула. Честное слово, как школьница. Она взяла себя в руки.

– Так вы родственник Шредеров?

– Вообще-то друг. Джей Ди Харрис.

– Джей Ди? – эхом отозвался Аарон.

– Для тебя – мистер Харрис, – поправила сына Кейт.

– Меня все зовут Джей Ди. Договорились, Аарон? Аарон кивнул. Вид у него при этом был самый что ни на есть серьезный. Кейт не сводила глаз с нового знакомого. Может быть, ей это только показалось, но она могла бы дать голову на отсечение, что глаза за темными стеклами очков смотрят на нее внимательно, словно оценивают, и даже... Удивительно, но вместо того, чтобы обидеться, она чувствовала в себе волнение взаимного интереса.

– Я, пожалуй, поеду. – Мужчина отвернулся. – Кулер завезу позже.

«Может быть, – подумала, садясь в джип, Кейт, – я в нем и ошибаюсь». Тем не менее впечатляющий образ стоял перед глазами. Он заинтриговал ее, даже с этой двухдневной щетиной. Даже в этих темных очках, неожиданным образом добавлявших ему сексуальности и придавших сходства с обворожительным Джонни Деп-пом.

«Прекрати, – приказала себе Кейт. – Твоего красавчика наверняка ждет дома семья, жена и детишки. И это даже хорошо. Просто великолепно. Аарону будет с кем поиграть».

Ее сын, проводивший долгим взглядом умчавшийся в противоположную сторону зеленый пикап, повернулся и посмотрел на нее:

– Как думаешь, этот енот будет жить?

– Мне он показался весьма активным.

Огибая восточный край озера, дорога заметно сужалась. Несколько десятилетий назад президент Рузвельт объявил озеро Кресент и прилегающие к нему территории достоянием нации и придал им статус национального парка. Сохранить собственность разрешалось только тем, кто обосновался здесь раньше. Сделки купли-продажи были запрещены, как и любые конструктивные проекты. Сложенные вручную бревенчатые дома и коттеджи, как и случайно возникший когда-то причал, словно застыли во времени.

Жившие у озера семьи представляли собой разношерстную группу и обычно держались обособленно. Обслуживанием и охраной летних домиков занималась управляющая компания Мейбл-Клэр Ньюман.

Съехав с дороги, Кейт направила джип между двумя громадными ситкинскими елями. Выпрыгнув из машины, Аарон побежал снимать перегораживавшую проселок цепь. Бандит выскочил следом и радостно помчался за ним.

Даже это было частью семейного ритуала. Снятие цепи, открытие проезда имело примерно то же значение, что и церемония перерезания ленточки. Обычно это делал старший ребенок прибывшей первой машины. В руках ему полагалось держать старый стертый ключ и бутылку ВД-40 – за долгую сырую зиму навесной замок успевал изрядно заржаветь. Повернув ключ и сняв замок, Аарон оставил тяжелую цепь на земле, отступил в сторону и сделал широкий приглашающий жест с полупоклоном.

Кейт показала большой палец и тихонько подала вперед. Официальная церемония открытия летнего сезона состоялась.

Преследуемый по пятам Бандитом, Аарон умчался по усыпанной гравием дорожке. Сейчас на ней валялись шишки да сломанные зимними ветрами сучья. Увидев дом, Кейт ощутила знакомое, какое-то детское волнение. Вдоль дорожки росли папоротники, некоторые размером с «фольксваген». Пронизанные тонкими солнечными лучами, они походили на некий заколдованный замок. Кейт до сих пор помнила, как бабушка Карла рассказывала, что здесь живут феи. И она ей верила.

Верила – немножко – даже сейчас, глядя на радостно прыгающих сына и пса.

Дорожка расширилась, деревья поредели и отступили. Прямо перед ней, словно бриллиант на шелковой изумрудной подушечке, стоял их летний дом.

Ей нравилось, как дом представлял себя – не сразу, а постепенно, шаг за шагом, от пристройки с садовыми инструментами и мхом на крыше до лодочного сарая, в котором нашлось место не только для лодки, но и для сваренного еще в пору сухого закона самогона. Вода в озере отличалась такой чистотой, такой завораживающей ясностью, что ее использовали в качестве питьевой.

Лужайку подстригли заранее, и дом с приоткрытыми ставнями выглядел сейчас так, словно еще только просыпался. Над окном стояло число 1921 – в память о годе завершения строительства. Заказчиком был Годфри Джеймс Ливингстон, иммигрант, сделавший состояние на пиломатериалах. Коттеджем дом называла только семья, с упрямой простотой чтившая таким образом прадедушку Годфри, любившего вспоминать Озерный край далекой Англии, где прошло его детство.

В применении к данному сооружению слово «коттедж» звучало с оттенком иронии. Фасад, в котором мощь бревен дополнялась крепостью камня, слегка изгибался, повторяя очертание береговой линии и как будто заключая в объятия чудесный вид с растянувшимся лениво озером и встающими из его глубин горами. Спроектированный в стиле «искусства и ремесла», сложенный из массивных бревен, с многопанельными мансардными окнами и широкой верандой, позволявшей в полной мере насладиться великолепным обрамлением, дом никак не сочетался с понятием «коттедж».

Сын Годфри – получивший по некоей роковой оплошности имя Уолден – и был дедушкой Кейт. Человек мягкий и незлобивый, он в продолжение одного поколения растерял семейное состояние главным образом по той простой причине, что позволил себе оставаться истовым консерватором в эпоху, когда само это слово вышло из употребления. О его страстной защите девственных лесов северо-запада говорили шепотом, словно такая позиция была несомненным доказательством ненормальности. Фраза «он любит лес» звучала с тем же оттенком скандальности, что и фраза «он любит мальчиков». В 30-х Уолдену пришлось буквально сражаться за леса. Потом, во время Второй мировой войны, он сражался уже на фронте, где был санитаром и даже получил Бронзовую звезду за участие в боях у Бастони. Статус героя помог ему уже по окончании войны выступить перед конгрессом с требованием ввести ограничения на вырубку лесов на федеральных землях. В 50-х враги объявили его коммунистом.

Его время пришло десятилетием позже. В 60-х «дети цветов» приняли старика в свои объятия. Вместе с женой Карлой, малоизвестной голливудской актрисой, сыгравшей крохотную роль в одном из фильмов Марлона Брандо, Уолден протестовал против разрушения окружающей среды в одном ряду с хиппи и анархистами. Взрослым детям оставалось только краснеть от смущения, когда родители отправились в Вудсток, где открыто курили травку. Став народным героем, Уолден написал книгу о пережитом.

Кейт была еще маленькой девочкой, когда дед, овдовев, воссоединился с семьей. Она любила старика всей душой, проводила с ним долгие часы, болтала обо всем, что только приходило в голову, и нисколько не сомневалась, что он ловит каждое ее слово.

С терпением, достойным святого, Уолден выслушивал и сбивчивый пересказ сюжета «Паутины Шарлотты», и презентации, которые она готовила к школьной конференции. Потом, когда Кейт уже подросла, именно дедушка Уолден был тем единственным, кому она поверяла свои маленькие тайны, перед кем отчитывалась за проведенные выходные – с походами на футбол, вечеринками, свиданиями. Дедушка был хранителем всех ее секретов и надежд. Ему первому Кейт открыла свою мечту: стать знаменитой международной журналисткой. Ему первому призналась в том, что изменило все ее будущее:

– Я беременна, и Натан хочет, чтобы я избавилась от ребенка.

– К черту Натана. – Дед, передвигавшийся к тому времени только в кресле-каталке, выразительно махнул рукой. – Чего хочешь ты?

Она сложила руки на еще плоском животе:

– Я хочу ребенка.

Глаза за двойными стеклами очков блеснули.

– Я люблю тебя, Кэти, и помогу всем, чем только смогу.

Он дал ей то, что было важнее всего на свете, – свое полное, безусловное одобрение. Разумеется, родители тоже поддержали дочь. Они чувствовали, что обязаны сыграть эту роль. Но их недовольство, их раздражение, их разочарование – все это проскакивало – в словах, жестах, взглядах. *Мы вырастили тебя не для того, чтобы ты стала матерью-одиночкой.*

Только дед знал истину: в мире нет карьеры или призвания более волнующего, требовательного и благодарного, чем воспитание ребенка.

Кейт любила старика за щедрое, доброе сердце и широту взглядов, за страстность и честность. Любила за то, что он принимал ее такой, какая она есть, со всеми достоинствами и недостатками. Он дал ей множество советов. Тот, что остался навсегда, состоял всего из двух слов: *не подстраивайся.*

К сожалению, она не всегда и не во всем следовала этому совету. Особенно в карьере. Устроилась в популярную, но не имеющую большого влияния газету, где от нее требовался трезвый взгляд на моду, умение вернуть красивую фразу и способность регулярно выдавать восемнадцать сотен слов.

В этом все и дело, решила она, паркуясь у задней двери. Это лето было шансом найти что-то, что могло по-настоящему увлечь ее. Что-то такое, что она сделала бы ради себя и в память о дедушке.

Прихватив первый попавшийся под руку пакет, Кейт вышла из джипа и открыла заднюю дверцу. По крайней мере подумала, что открыла. Поворачивая ключ, она не почувствовала сопротивления задвижки.

Странно, подумала Кейт и, толкнув дверь, переступила порог. Должно быть, уборщики забыли запереть за собой. Да еще и радио оставили включенным – из динамиков лилась старенькая мелодия «Дрифтере». Надо будет предупредить Мейбл Клэр. Проблем с преступностью здесь не было никогда, но это не может быть оправданием невнимательности.

Если не считать недосмотра с дверью, со своей работой уборщики справились отлично. Сосновые половицы сияли, деревянные панели отливали маслянистым блеском. Ставни были распахнуты, и отраженный от воды яркий солнечный свет вливался в комнату слепящим потоком.

Вдохнув запах лимонного масла и коктейля «Уиндекс», Кейт подошла к окну. Каждый, кто приезжал сюда, как будто заново и на свой лад открывал старый дом. Кейт всегда начинала с того, что проверяла, в порядке ли шкафчики и ящики, верно ли поставлены часы, работает ли электрическая плита, застелено ли чистое белье и включен ли водонагреватель. И только после этого выходила наружу, любовалась лужайкой и, дрожа от восторга, трогала ледяную воду.

Аарон задерживаться в доме не стал и первым делом пробежал по границам участка – от куста ежевики в одном конце до рогозы в другом. Бандит, разумеется, носился за ним по пятам.

Увидев их на причале, Кейт уже открыла рот, чтобы предупредить сына, но вовремя прикусила язык. Не стоит лишний раз его сердить. К тому же Аарон и без ее напоминаний приближаться к воде не станет – он до сих пор упрямо отказывался учиться плавать.

Почему, Кейт не знала. Никаких неприятностей, связанных так или иначе с водой, с ним не случилось. Он не возражал, если ему предлагали прокатиться на лодке, и даже ходил по мелководью. Но погружаться в воду с головой не желал ни при каких обстоятельствах.

Кейт это беспокоило. У взрослого такая фобия могла стать серьезной проблемой, даже проклятием. Каждый раз, когда кто-то из одноклассников отмечал день рождения у общего бассейна, Аарон старался уйти подальше, жалуясь, что у него болит живот. Когда его приглашали попробовать силы в команде по плаванию, он ссылаясь на то, что забыл дома форму. Прошлым летом Аарон несколько часов просидел на краю причала, пока Айзек и Мюриел, дети Филя, которые были младше его, плескались и играли старым желтым мячом. Аарон наблюдал за ними с затаенной завистью, но желание составить им компанию никогда не перевешивало боязни. Кейт видела, как ему хочется быть с ними, но пересилить себя он не мог и в результате довольствовался тем, что стоял на причале или плавал неподалеку в лодке.

«Рискуй!» – хотелось крикнуть Кейт. Она уже решила, что обязательно поможет сыну научиться плавать. Даже если не сделает этим летом ничего другого. Материнский инстинкт подсказывал, что, научившись преодолевать страх, он откроет для себя целый мир иных возможностей. Она хотела, чтобы сын знал, что он вовсе не обязан довольствоваться малым и отказываться от мечты.

Вот оно. Мысль как будто пробилась из глубин к поверхности. У Аарона проблемы. По словам учителей, школьного консультанта и педиатра, у мальчика проявлялись признаки психологической неуравновешенности. Проведенные тесты не обнаружили каких-либо расстройств. Такое заключение ее не удивило. Она знала, что нужно сыну. Мужчина. Человек, который заменил бы отца. Все просто, никакого секрета. Он и сам постоянно говорил об этом, не понимая, что каждый раз бьет ей по сердцу.

– У тебя есть дядя Фил, – неизменно отвечала она. Теперь Фил был далеко, а поведение Аарона в школе изменилось в худшую сторону. Слишком много обещаний осталось невыполненными, слишком много родительских собраний она посетила, и в конце концов Сильвия указала ей на дверь.

Горло перехватило от непролитых слез. Нет, надо благодарить судьбу за то, что сын здоров, любит свою семью и, по большей части, чудесный ребенок. Но иногда... Иногда она просто не знала, что делать с ним, как справиться.

Может быть, именно поэтому родителей и должно быть двое. Чтобы, когда один доходит до предела, ему на смену приходил другой.

По крайней мере, так она думала. Наверняка Кейт не знала, потому что растила Аарона в одиночку, и сменять ее было некому. Конечно, был еще Натан, но тот исчез прежде, чем успел понадобиться.

Кейт вышла еще за одним пакетом.

– Не хочешь помочь? – окликнула она сына.

Аарон повернулся и похлопал в ладоши.

– Очень смешно, – проворчала Кейт. – И раз так, я не стану трогать твое мороженое, и пусть оно растает.

Он тут же прибежал – раскрасневшийся, пахнущий свежими листьями и свежим воздухом.

– Я уже готов.

Кейт положила пакет на сосновый стол. В раковине стоял наполовину наполненный водой стакан. Она вылила воду. Наверное, уборщики оставили. Кейт убрала продукты в морозилку, открыла холодильник и обнаружила пластиковый контейнер с пластиковой вилкой.

– Какого... – Достав контейнер, она отправила его напрямик в мусорную корзину. Кто знает, сколько дней он здесь простоял.

– Что это такое? – поинтересовался Аарон.

– Ничего. Просто уборщики забыли здесь кое-что. Придется поговорить с миссис Ньюман. – Разложив продукты по местам, Кейт разрешила сыну выйти на улицу и поиграть с Бандитом. Сама же, взяв два чемодана, пошла наверх. Поскольку весь дом был в их полном распоряжении, она решила занять главную спальню, откуда открывался вид на озеро. Центральное мансардное окно выступало наружу, напоминая нос корабля. Никогда раньше Кейт здесь не спала. Потому что никогда раньше не была в этом доме старшей из взрослых. Комната предназначалась для двоих. Для ее бабушки и дедушки. Для отца и матери. Для Фила и Барбары. Теперь эта спальня ее – на все долгое лето. Вот так.

С двумя чемоданами в руках Кейт толкнула дверь. Уборщики отличились и тут – забыли раздвинуть портьеры. В комнате было сумрачно и душно, словно здесь притаились ночные тени.

Недовольно нахмурившись, она поставила чемоданы на пол. Глаза еще не привыкли к полутьме. Выпрямившись, Кейт заметила, как шевельнулась тень в углу.

В следующий момент тень обрела человеческие формы, а человек шагнул к ней.

Аарон, только и успела подумать Кейт.

И метнулась вниз по ступенькам.

Глава 4

Женщина смотрела на него. Взгляд задержался на пару секунд дольше необходимого, и Джей Ди почувствовал, как ускорился его пульс.

– Это все или вам требуется дополнительная информация? – спросил он, подавая ей заполненный формуляр.

– Хватит и этого. – Она улыбнулась как-то неопределенно. В последнее время он с подозрением воспринимал каждый взгляд, каждое слово, каждую улыбку. – Спасибо, мистер... – Женщина заглянула в формуляр. – Мистер Харрис.

Она была молода. Милостива, как и любая студентка со свеженьким личиком. Скорее всего, волонтер. Подрядилась на лето. Ярлычок на кармашке подтвердил догадку – «Дарла Т. Волонтер».

Оставалось только надеяться, что она не станет распространяться о нем перед своими друзьями. Мнительность не оставляла его даже здесь, в этом глухом уголке огромной страны. Сэм уверял, что в Порт-Анджелесе его никто не найдет, что там он спрячется наконец от шумихи, поднявшейся вокруг него после случая в госпитале. Нужно только слегка изменить внешность и не высовываться.

Подвергшись настоящей осаде – кто бы мог представить, что такое вообще возможно! – он, разумеется, ко всему относился с подозрительностью и постоянно держался настороже. Когда присланный неведомым таблоидом фотограф выскочил – будто чертик из шкатулки – из-за мусорного бака, чтобы щелкнуть его в пижамных штанах и с корзиной в руке, Джей Ди понял, что жизнь никогда уже не будет прежней. Потом какая-то женщина ранила себя только лишь для того, чтобы он спас ее. А когда компания по производству игрушек прислала – в запечатанном пакете с надписью «ВСКРЫТЬ ЛИЧНО» – образец игрушки «Джордан Donovan Харрис» в полном боевом облачении и с загадочным оружием, которого реальный Харрис никогда и в глаза не видел, он подал рапорт об отставке. И наконец в один дождливый осенний вечер некий репортер, позвонив на домашний телефон, попросил рассказать о его матери.

В тот вечер Джей Ди сорвал со стены телефон. Когда прохода не давали ему, это было плохо. Но когда вся эта стая нацелилась на его мать, что-то в нем сломалось.

Хватит.

Если оставить все как есть, если и дальше терпеть это невыносимое внимание, то рано или поздно он просто спятит, как и тот парень с бомбой.

Надо исчезнуть, раствориться, подождать, пока безумие пройдет само собой. Укрывшись от цепкого взгляда «общественности», он сможет вернуться к спокойной и тихой частной жизни. Сэм предложил остановиться в принадлежащем их семье летнем доме. Без всяких условий. Есть же такие друзья.

Пока что план срабатывал. Его мать, Джанет, получала всю необходимую помощь, за ней присматривали и ухаживали, а сам Джей Ди обосновался в укромном местечке, в трех тысячах миль от округа Колумбия, где его, похоже, никто не узнавал. Маскировка тоже оказалась удачной – он мало походил на того гладковыбритого и подтянутого военного, каким был совсем еще недавно. И все же сомнения нет-нет да и возникали. Как, например, сейчас, когда эта симпатичная девушка-волонтер так мило ему улыбалась. Он уже не верил улыбкам незнакомых людей. Может быть, когда-то девушка и улыбалась только потому, что он ей нравился, но такое как будто случалось в другой жизни и с кем-то еще. Теперь каждая улыбка, каждое приветствие, каждый приглашающий жест вызывали подозрение. Людям было наплевать, что он за человек, их интересовало только то, что он остановил бомбиста-самоубийцу и спас президента.

Камеры репортеров и системы наблюдения запечатлели все до мельчайших деталей. Драма длилась несколько минут, но, когда она закончилась, с ней закончилась и его прежняя

жизнь. Телевизионные каналы всего мира прокручивали запись снова и снова, она тотчас же попала и в Интернет. Пресса моментально окрестила его героем Америки. И, что самое страшное, публике это понравилось.

– Это вам спасибо, – сказал он Дарле, забирая походный холодильник. – Хорошо, что здесь существуют такие центры, как ваш.

Девушка кивнула.

– Всех мы, конечно, спасти не можем, но то, что в наших силах, делаем. – Она протянула ему распечатанную на принтере листовку. – И волонтерам будем только рады. Принимаем всех, в возрасте от восьми до восьмидесяти. Имейте в виду.

С пустым кулером в руке он вернулся к пикапу. Машину Джей Ди одолжил у Сэма. Да и не только машину, но и летний домик, и все остальное. Взглянув на листовку, он засунул ее в задний карман. Теперь – в автомойку. Не возвращать же грязный кулер.

Выруливая с парковочной стоянки, Джей Ди услышал короткий взвизг сирены и оглянулся. По дороге, в направлении окружного госпиталя, промчалась карета скорой помощи. Другие машины уступили ей путь, но уже через пару секунд движение на дороге вернулось в норму. Люди ехали по своим делам. Обычные люди, живущие обычной жизнью. Эту заурядность, обыденность существования принимаешь как нечто само собой разумеющееся, пока ее у тебя не отнимают.

Джей Ди поймал себя на том, что смотрит вслед «скорой». Что-то все-таки шевельнулось. Да, он и сам занимался бы этим же. Помогал людям, а не прятался в глуши, как какой-нибудь беглец, не подбирал бы на дороге раненых енотов.

Да вот только теперь, после того, как его лицо побывало на первых полосах газет и журналов по всему свету, толку на вызовах от него уже не будет – репортеров и зевак соберется столько, что и машина не проедет.

Все произошло так быстро, что он даже не успел как-то подготовиться к изменившимся обстоятельствам. Очнувшись после искусственной комы, Харрис обнаружил, что, во-первых, раны оказались несмертельными и что, во-вторых, все переменялось. Уже через считанные часы после инцидента в госпитале его увеличенное в десять раз лицо попало на билборд на Таймс-сквер. К счастью, сам он ничего об этом не знал, поскольку пребывал в бессознательном состоянии. «Боролся за жизнь», как писали в газетах, хотя на самом деле ни за что он не боролся, а просто лежал, как сбитое на дороге животное, пока врачи делали свое дело.

Знай Джей Ди, что творится на свете, возможно, так и не стал бы приходить себя, уснул бы на десятилетия, подобно Рип Ван Винкль⁷, с надеждой, что, когда все же проснется, мир успеет о нем позабыть.

Но удача прошла стороной. Джордан Донован Харрис, защитник Отечества, очнулся Джорданом Донованом Харрисом, новым национальным героем. Сумасшествие, дикость, бред. Пресса постоянно называла его полным именем, как знаменитых серийных убийц – Джона Уэйна Гейси, Корала Юджина Уоттса, Джона Уилкса Бута. Как и того, в конце концов, кто едва не убил его самого, – Теренса Ли Малдуна.

Выяснилось, что никто ничего не знал. Никто ни о чем не догадывался. Поэтому-то Малдун почти достиг цели. Спецназовец, отмеченный наградой за смелость во время первой иракской войны, он считался отличным солдатом с безупречным послужным списком. «Тихий, спокойный, скромный, внимания к себе не привлекал...» Разве не то же самое говорят о едва ли не всех серийных убийцах и полоумных? Никто не сказал: «Да, он был бешеный, как сортирная крыса. Да, я бы его и на шаг к себе не подпустил».

⁷ Рип Ван Винкль – персонаж одноименной новеллы Вашингтона Ирвинга, проспавший двадцать лет после того, как отведал напитка странных незнакомцев.

Ничего подобного. Как и в большинстве подобных случаев, Малдуна характеризовали набившими оскомину фразами – «прилежный трудяга», «образцовый гражданин». И, что самое страшное, остановить Малдуна было некому. Кроме Джей Ди, оказавшегося в нужном месте благодаря стечению обстоятельств.

Теперь все позади, думал он, выезжая с автомойки. Уйдя в подполье, вернуться к прежней жизни не получилось, но, по крайней мере, никто не проявлял к нему нездорового интереса. Он снова стал частным человеком. Можно перевести дыхание. Прийти в себя. Только сам все не испорти, предупредил себя Джей Ди, вспомнив о Кейт Ливингстон и ее мальчишке. Они, конечно, не знали этого, но сегодняшний разговор с ними стал самым продолжительным с тех пор, как он обосновался в доме Шредеров.

Там, на обочине пустынной дороги, Джей Ди вдруг почувствовал себя легко и спокойно. Ставшее уже привычным напряжение куда-то ушло. Он словно вернулся в свою прежнюю жизнь, где парень, приехавший на озеро отдохнуть от работы, может позволить себе потрепаться с женщиной, у которой рыжие волосы, соблазнительные ножки и дружелюбный ребенок. С женщиной, заставившей пожалеть о том, чего у него и не было-то никогда.

Жена Сэма, особа безнадежно романтическая, постоянно призывала его найти кого-то, для кого он станет одним-единственным, остепениться и обзавестись семьей. После Рождества Джей Ди понял, что хочет остаться самим собой и никем больше.

До происшествия в центре имени Уолтера Рида в его жизни была женщина. Звали ее Тина. Она работала в конгрессе и обожала Джей Ди. И все шло замечательно, пока на него не обрушилась слава. Вот тогда Тина появилась на телевидении и на всю страну заявила, что обожает его. Потом повторила то же самое в интервью нескольким журналам и в ток-шоу на радио. Но и это было еще не все. Она без малейших колебаний раскрыла едва ли не все аспекты их отношений, рассказала об их первой встрече, вспомнила, как он признался ей в любви, какой сделал первый подарок. Миллионы зрителей и слушателей узнали о его слабости к Чесапикским голубым крабам и предпочтительных сексуальных позах. Мало того, Тина даже ухитрилась изложить свои чувства на бумаге, уместив их в дурацкую книжонку из серии «Помоги себе сам», вышедшую под названием «Как познакомиться с настоящим мужчиной».

Джей Ди до сих пор помнил то ощущение беспомощности, с которым, лежа на больничной койке, слушал откровения своей ясноглазой подружки, описывавшей интимные детали их отношений. Чувство отчаяния, осознания того, что тебя предали, прошло через него глухой болью, пробудившей давние воспоминания о других изменах.

Но чему удивляться? Разве не так поступали все вокруг? Люди получали от него то, что хотели, и уходили не оглянувшись.

После драмы в госпитале даже Джанет выбралась на свет и начала снова называть себя его матерью. Придя к нему в палату, она прослезилась. Газеты тут же поместили новые фотографии – Джанет в позе Мадонны молится за его выздоровление.

Да вот только теперь ему было вовсе и не нужно, чтобы эта женщина любила его и молилась за него. Ее заботы и внимания ему не хватало в младшей школе. Потом, уже подростком, он не дождался от нее ни ободрения, ни поддержки. В восемнадцать Джей Ди заложил свое будущее, поместив мать в реабилитационный центр. Все, что откладывал на колледж и медицинскую школу, ушло на оплату клиники. И – вот чудо! – вложения дали результат. Проведя в «Сиринити-Хаус» – так называлось учреждение в городке Сильвер-Спринг, штат Мэриленд, – девяносто дней, Джанет Харрис вышла оттуда похорошевшая, чисто одетая и трезвая, и искренне благодарная сыну, который спас ее от передозировки и в результате не остался сиротой.

Да, она изменилась. Джей Ди увидел это сразу, а Джанет подтвердила.

– Хочу начать с чистого листа, – объявила она. – Порвать с прошлой жизнью. Не могу быть рядом с теми, кто видел меня пьяной и под кайфом.

Джей Ди не сразу понял, что под «теми» она подразумевает не только наркоторговцев и сутенеров, с которыми водила компанию, пока рос ее сын, но и его самого.

То предательство было подарком, по крайней мере, он убедил себя в этом. Ее трезвость стоила ему всех скудных сбережений, но зато Джей Ди получил представление о том, что готовит будущее. Он остался при своих, и такое положение вещей вполне его устраивало.

Потом на него обрушилась слава, и Джанет вдруг вернулась – образцовая мать американского героя. А ведь должна была бы понимать, что репортеры ей не друзья. Разумеется, они вывалили ее в грязи, выставив на всеобщее обозрение все, что узнали. Не перенеся удара, Джанет попыталась найти утешение в привычном средстве. К счастью для нее, в распоряжении сына были теперь немалые ресурсы, и, прежде чем исчезнуть, он устроил ее в отличную клинику в Южной Калифорнии. Устроил с надеждой, что в клинике сделают свое дело, а Джанет сделает свое и выйдет здоровой. Годы трезвости пошли насмарку из-за дюжины газетных статей. Господи, как же он ненавидел прессу и телевидение.

В юности Джей Ди всегда хотел стать семейным доктором, заботиться о людях от колыбели до могилы.

Ошибался. Оказалось, его истинное призвание – служба скорой помощи. Та самая, что спасла Джанет после смертельной передозировки. Джей Ди не узнал имен тех людей и никогда больше их не видел. Ему почему-то казалось, что так и должно быть. Идеальная работа – спасти человека и отпустить его в мир. Он испытывал вполне понятное удовлетворение, зная, что помешал кому-то умереть, сохранил кому-то жизнь, но не хотел думать, что будет со спасенным дальше – завтра, через месяц, через десять лет. Работник скорой помощи в среднем появляется в жизни пострадавшего на тринадцать с половиной минут и за столь короткое время круто меняет все.

«Работа для меня», – сказал Джей Ди армейскому вербовщику. После того как мать, выйдя из клиники и забрав остатки сбережений, променяла сына на лучшую жизнь в Калифорнии, он подался в армию. Там пообещали хорошую работу, стабильный доход, путешествия и приключения и деньги на образование.

Иногда Джей Ди корил себя за то, что не прочитал написанное мелким шрифтом. Так или иначе, он прошел все тяготы жесткой армейской подготовки и по истечении восемнадцати месяцев невероятного ада получил сертификат фельдшера частей особого назначения. Другими словами, стал самым квалифицированным, элитным специалистом-травматологом в вооруженных силах.

В Порт-Анджелесе, вдалеке от остального мира, Джей Ди свернул на Первую улицу и быстро отыскал парковочную площадку. В магазине, где, казалось, можно найти все необходимое для выхода в море, он развернул длинный список первоочередных покупок: наполнитель, лак, эпоксидная смола, клееная фанера, фиброгласовый клей. Предложив пожить в домике у озера, Сэм также настоял, чтобы Джей Ди пользовался яликом, деревянной гребной лодкой, построенной его покойным отцом. Об этом ялике, как и о тех часах, что провел в нем с отцом, Сэм мог рассказывать часами. В его памяти лодка осталась чем-то вроде сказочного суденышка, идеального во всех отношениях. До идеала ей было далеко. Пожалуй, даже слишком. Лодочный сарай был затянут паутиной, корпус самого ялика изрядно прогнил. К тому же в нем обосновались какие-то грызуны, то ли еноты, то ли бурундуки. Имея весьма и весьма туманное представление о кораблестроении, Джей Ди тем не менее сразу же решил, что восстановление ялика будет главным летним проектом и, когда Сэм в конце лета пожалует на озеро со всей своей семьей, суденышко уже сможет принять его на борт.

Загрузив покупки в пикап, он подумал, что будет нелишним проверить почтовый ящик. Сэм согласился пересыпать всю поступающую на его имя почту и обещание выполнял прилежно. При этом Джей Ди дал другу карт-бланш в отношении приходящих писем: вскрывать, читать и отправлять в мусорную корзину все странное, сомнительное и дурацкое. После

отсева до него доходила лишь малая доля поступившего. Люди присылали все что угодно, от приглашений вступить в молитвенную цепочку до брачных предложений. Женщины забрасывали фотографиями, иногда желание встретиться выражали и мужчины. Их личности в большинстве своем вызвали жалость, некоторые выглядели откровенно похотливыми, но были и такие, что просто пугали. В самом начале обрушившегося на него испытания Джей Ди допустил серьезную ошибку, подписав соглашение с неким Моррисом Уильямсом, доктором права. Этот медиаагент пообещал представлять и защищать его интересы, а при необходимости и вести за руку через трясины публичной жизни. На деле же он постоянно пытался убедить клиента дать согласие стать консультантом на съемках художественного фильма о его жизни. По словам Сэма, Уильяме пришел в бешенство, узнав, что Джей Ди куда-то уехал, и даже грозил подать в суд, что немало повеселило друзей.

Возвращаясь по главной улице Порт-Анджелеса, он на мгновение остановился и чуть было не решил перейти на другую сторону, чтобы не проходить мимо призывного пункта, но все же пересилил себя. Пенни и Сэм говорили, что ему нужно набраться уверенности, убеждали, что его не узнают. И все же, видя свое лицо на брошюрках и постерах, он испытывал странное чувство. Не спрашивая разрешения – армии это и не требовалось, – его превратили в образцового солдата. В окне, словно в витрине магазина, красовался его портрет – разумеется, в военной форме – с надписью «Реальные герои для реального мира».

Так и есть, все правильно. Он и впрямь реален. Реален настолько, что скоро о нем снимут фильм. Реален настолько, что ему до сих пор предлагают стать лицом новой линии туристического снаряжения, солнцезащитных очков или даже презервативов. В биографии, вышедшей всего лишь через неделю после «инцидента» – так окрестили случившееся в прессе, – его назвали «самым обаятельным брендом героя», того, кто «просто делает свою работу».

Издатель привлек к сотрудничеству не только Тину, но и Джанет. Джессика Линч получила Пулитцеровскую премию – как соавтор. А вот Джей Ди не получил ничего. Биографом был Нед Флэгг, незадачливый журналист с богатым воображением и быстрым Интернетом. Благодаря активному продвижению на рынок и налету сенсационности книга ненадолго попала в список бестселлеров.

Движимый какой-то мальчишеской дерзостью, Джей Ди остановился перед призывным пунктом и заглянул в открытую дверь. Сидевший за столом круглолицый, розовощекий парень втолковывал что-то внимательно слушавшему его потенциальному новобранцу, несомненно обещая все то, что обещали и самому Джей Ди несколько лет назад.

Он шагнул в сторону, к большому окну с трехфутовым постером, и попытался сравнить свой портрет на афише с собственным отражением в стекле.

Ни к каким особенным средствам маскировки прибегать не пришлось. Сэм и Пенни посоветовали отпустить волосы и не меньше его удивились, увидев перед собой темного блондина. Прежде Джей Ди стригся по-военному коротко и уже не помнил, какого цвета у него волосы. Он сбрил усы, сменил контактные линзы на старомодные очки и отпустил щетину.

– Деревенский шик, – сказала Пенни Шредер. – Теперь нашего героя точно никто не узнает.

Завершив преобразование бейсболкой с эмблемой «Джон Дир», Джей Ди больше напоминал Элмера Фадда, чем Капитана Америка⁸.

– Я мог бы выбить тебе пару зубов, – предложил Сэм. – И убери эту улыбку – ты похож на парня с рекламы зубной пасты.

– Я все-таки рискну, – сказал Джей Ди. – Просто не буду улыбаться. – Сдержанное обещание оказалось совсем не трудно. До сегодняшнего дня. Пока не появились Кейт Ливингстон и ее мальчик. Он уже не помнил, улыбался им или нет, но точно мог.

⁸ Капитан Америка – супергерой из комиксов, создан писателем Джо Саймоном и художником Джеком Кирби.

Мимо, надувая пузыри из жевательной резинки и поглядывая на себя в витринах, прошли две девочки. У призывного пункта они остановились.

– Посмотри на этот постер. Какой красавчик, так и жжет, – пробормотала одна. Джей Ди перехватил ее взгляд. Черт, он так гордился своей маскировкой... Неужели узнала?

– Извините, – сказала одна из девочек и торопливо прошла, увлекая за собой подружку. Джей Ди облегченно выдохнул – он и не заметил, что затаил дыхание, – и зашагал в противоположную сторону. Безумие. Люди просто рехнулись. Таращатся на картинку, проектируют на нее свои желания, а реального человека не замечают, как будто его и нет.

Он покачал головой и повернул к почте, где проверил свой ящик. Сэм прислал целую стопку счетов и извещений. В самом низу лежало то, что пришло не от Сэма. Запрос Джей Ди написал сам – дрожащей рукой и с волнением в груди. И вот ответ – в плоском белом конверте, увесистом и пухлом.

И чего он только так разволновался? Какая ерунда. После всего, через что довелось пройти, его уже ничто не может испугать. С другой стороны... Речь шла о том, чего он всегда хотел. О чем мечтал. Всегда.

Джей Ди вскрыл конверт и вытащил глянцевого буклет размером с городской телефонный справочник. Провел ладонью по логотипу: «Медицинская школа Дэвида Геффена. Калифорнийский университет».

Он напомнил себе, что еще не решил окончательно, пошлет или нет свой ТПМК⁹ и заявление о приеме. Но почему бы и не попробовать? Что ж, время до конца лета у него еще есть.

А пока стоит заняться другими делами. Подъезжая к озеру, Джей Ди ощутил непривычное волнение. Что ж, с матерью пока все в порядке, а он наконец-то начинает снова чувствовать себя человеком.

⁹ ТПМК (англ. MCAT) – тест для поступления в медицинский колледж.

Глава 5

Кейт успела захлопнуть дверь перед самым носом злоумышленника.

– Аарон! – крикнула она, скатываясь по деревянным ступенькам и бросаясь к задней двери. – Аарон! В машину! Быстро!

Сын был во дворе – играл с Бандитом. Теперь, вместо того чтобы мгновенно отозваться на панический призыв матери, он лишь недовольно взглянул в ее сторону:

– А?

– В машину! Живей, черт! В доме грабитель, – выпалила она, подстегнув сына самым крепким из имевшихся в ее арсенале ругательств. – И Бандита забери. Я не шучу.

Казалось, прошли часы, хотя на самом деле они уложились в считанные секунды. Аарон с собакой забрались на заднее сиденье, и Кейт, запрыгнув на переднее, потянулась к зажиганию.

Боже!

– Ключи... Их нет, – прошептала она. – Где ключи?

Все было как в кино. Как в самом жутком из когда-либо снятых ужастиков, где героиня по имени Джули (всегда просто Джули, без фамилии) никак не может завести машину, копошится, кричит... и вот уже старушка Джули порублена на кусочки безумным маньяком.

– Забыла, – пробормотала Кейт, бессильно приваливаясь к спинке сиденья. – Я оставила их в кухне... на столе.

У левого окна уже маячил темный силуэт. Бандит, прижавшись к стеклу, захлебнулся лаем.

– Не убивайте нас, – умоляюще пробормотала Кейт. – Пожалуйста, прошу вас. Только не...

– Мам, – подал голос Аарон. Пса он уже успокоил, и тот притих.

– Помолчи, я пытаюсь договориться. Может быть... Ох!

Маньяк за стеклом протягивал ей ключи.

– Вы их ищите? – спросил он.

Точнее, не он. И даже не маньяк. Застилавшая глаза красная пелена ужаса спала, и Кейт обнаружила, что перед ней... девушка. И эта девушка испуганно посматривала на Бандита.

– Господи... – Кейт опустила стекло. Пес тут же высунул морду, и незнакомка опасливо попятилась. – Что тут происходит? Может, объяснишь?

Девушка, судя по всему, растерялась не меньше Кейт. Густо покраснев, она опустила голову, упершись взглядом в грязные босые ноги, и спутанные волосы упали на лицо.

– Я не хотела вас напугать.

– Тем не менее напугала. – Выплеснувшийся в кровь адреналин выходил злостью. – И что ты делала в моем доме?

Незнакомка выпрямилась и откинула назад волосы.

– Я... это... ну, как бы прибирала... Вообще-то я работаю с Йоландой у миссис Ньюман... убираю в домах.

Судя по розовым полоскам на щеке, убирала она примерно так же, как и Златовласка в доме трех медведей. Сравнение с Златовлаской пришло, наверно, не случайно, потому что волосы у девушки были желтоватого оттенка и завивались на кончиках. Впрочем, выглядела она постарше. И поупитаннее. Наверняка успела заправиться доброй тарелкой овсянки.

Впрочем, как и Златовласка, она казалась совершенно безобидной и явно сожалела о случившемся. Злость понемногу улетучивалась.

– Как тебя зовут?

– Калифорния Ивэнс. Просто Кэлли. У меня будут неприятности? – Девушка шмыгнула носом. Утерлась. Держалась она скованно и неуверенно.

На Кейт накатила вдруг волна жалости и сострадания. И все же забывать об осторожности было рано.

– Я еще не решила.

– Выйти можно? – спросил Аарон.

Кейт ответила не сразу. Телефона в коттедже не было, а ее сотовый здесь не работал. С другой стороны, девушка, похоже, не представляла никакой опасности и искренне раскaiивалась. Природная доверчивость все же перевесила настороженность, и Кейт кивнула:

– Ладно.

Увидев Бандита, Кэлли испуганно охнула, а когда пес завилял хвостом и попытался обнюхать ее, обхватила себя руками и отступила. Мало того, она еще и побледнела.

– Бандит тебя не тронет, честно, – успокоил ее Аарон.

– Ты все-таки придержи его, – посоветовала Кейт. – Я – Кейт Ливингстон, а это мой сын, Аарон. И Бандит.

– Вообще-то он бигль, – сообщил Аарон. – А Бандитом мы его зовем из-за черной маски на глазах. – Он показал необычную отметину на морде собаки, но девушка лишь съежилась.

– А что ты здесь делаешь? – с детской прямоотой поинтересовался Аарон.

Кэлли замялась. Вид у нее был явно нездоровый. К бледности добавились выступившие над верхней губой бисеринки пота.

«Господи, что ж это с ней? – с тревогой подумала Кейт. Больна? А если наркоманка? Тогда дело плохо».

С другой стороны, ситуация была довольно интересная. Кейт напомнила себе, что теперь она – журналист-фрилансер. Может быть, удастся что-то написать.

– Давайте зайдем в дом, – предложила она. – А Бандит пусть побегает. – Год назад для пса оборудовали место на веранде, для чего выписали по каталогу дорогушную подстилку. Баловство, да и только. Кэлли с прищуром посмотрела на Кейт, но отказываться от приглашения не стала. Увидев выставленные на стол покупки, она изумленно вытаращилась.

Кейт налила всем по стакану холодной воды, насыпала в чашку черешен – первое и самое мимолетное из летних лакомств.

– Садись, Кэлли, – пригласила она, – и расскажи мне о себе. Давно работаешь на миссис Ньюман?

– Несколько месяцев. – Девушка никак не могла оторвать взгляд от черешни.

Кейт пододвинула ей чашку. Она уже заметила, что старый сосновый стол, стоявший в доме едва ли с первого его дня, стал светлее и отливает свежим воском. Пол сиял, как и все остальное. Пробежав взглядом по углам, она не обнаружила ни одной паутинки. Если это дело рук Кэлли, то честь ей и хвала. Надо только получше объяснить девушке, что можно и что нельзя. Обозначить, так сказать, границы.

– А вы ей скажете? – спросила Кэлли.

– Обязана сказать.

– Мам, – подал голос Аарон. Он всегда заступался за тех, у кого случались неприятности. Наверно потому, что и сам частенько в них попадал.

Просить не пришлось – безвинно пострадавшая всего неделю назад, Кейт быстро уступила:

– Хорошо, не скажу. Но мне хотелось бы услышать объяснение.

Кэлли отпила воды.

– Я... ну, я остаюсь в домах... тех, где убираю. И где никто не живет, – призналась она. – Но никогда никому не мешаю и всегда за собой прибираю. Точно. Я и не знала, что вы сегодня приезжаете. Ей-богу, думала, вы завтра будете.

– Мы решили приехать на день раньше. – Кейт задумчиво кивнула. Глаза у девушки были беспокойные, на лбу пролегли морщинки. – Где твоя семья, Кэлли?

– У меня никого нет, – последовал бесстрастный ответ.

– Объясни, как это получилось.

– Мама уехала, а отца я никогда и не видела. – Она небрежно откинула волосы, показывая, что ее это несколько не волнует.

– Так ты бездомная? – спросил Аарон. Кэлли взяла из чашки ягоду. Положила в рот.

– Ну, вообще-то меня определили в приемную семью, да только оттуда пришлось уйти.

Не смогла остаться.

– Почему? – снова спросил Аарон.

В глазах, серых, как озеро в бурю, Кейт прочла то, что Кэлли никогда бы не признала в присутствии Аарона.

– Я с ними просто не поладила, – сказала она.

– Ты можешь остаться с нами, – предложил Аарон. Кейт едва не проглотила косточку. К счастью, Кэлли предвидела возможную реакцию.

– Нет, малыш, вам я мешать не стану. – Она отодвинулась от стола. – Мне пора сматываться. Поднимусь, заберу свое барахло и смотаюсь. – Девушка встала и направилась к лестнице.

Кейт посмотрела ей вслед. Что-то в Кэлли цепляло ее. В мешковатом спортивном костюме, сером и не своего размера, она выглядела немного неуклюжей, а голову постоянно держала чуть опущенной, словно ожидала удара. И все же, несмотря на грязные босые ноги и страшенькую одежду, в ней ощущались присущие подросткам гордость и самомнение. Ногти на руках и ногах были аккуратно покрашены розовым лаком.

Аарон с упреком взглянул на мать.

– Помолчи, – предупредила Кейт, поднимаясь. – Я сама с ней поговорю.

– Я так и знал. – Аарон слетел со стула и двумя короткими ударами сразил воображаемого противника.

– Пока я буду разбираться, можешь поиграть с Бандитом.

Шторы в большой спальне были уже раздвинуты, и комнату затопил солнечный свет. У стены стоял большой рюкзак, а Кэлли расстилала простыни на кровати.

– У меня с собой спальник, так что вашим бельем я не пользовалась, честно. – Девушка подоткнула край простыни под угол матраса.

Кейт сделала то же самое на другой стороне.

– Меня не белье беспокоит, а ты. Сколько тебе лет?

– В июле будет восемнадцать. – Кэлли отвела глаза. – Стану взрослой и буду делать что хочу.

Интересно, что она хочет, подумала Кейт, но начать решила с другого. На восемнадцать лет Кэлли не выглядела. Мягкость черт, округлость лица, потерянный взгляд говорили о том, что она должна быть моложе.

– Поговори со мной, Кэлли. Я ведь не собираюсь передавать тебя властям. Откуда ты?

Кэлли рывком выдвинула верхний ящик. От резкого движения висевшие в воздухе золотистые пылинки вздрогнули, колыхнулись, словно задремавший дом очнулся от сна. И сразу же появился запах чистого белья.

– Из Калифорнии.

– Понятно. Не хочешь рассказать, почему оказалась в приемной семье?

– Потому что мама связалась с какими-то чудаками, – пожав плечами, ответила девушка. – У них было что-то вроде коммуны возле Бит-Сура. Думали, что смогут жить сами по себе, всем себя обеспечивать. В общем, утопия. – Кэлли, должно быть, заметила, что Кейт удивленно смотрит на нее. – У нас было как бы домашнее обучение, и некоторые действительно получили приличное образование. У брата Тимоти – это основатель коммуны – докторская

степень по культурной антропологии. Он в Беркли учился. – Она открыла кедровый сервант. – Это покрывало?

Кейт кивнула и помогла расстелить плотное пестрое покрывало, пошитое кем-то из Ливингстонов еще пару поколений назад и считавшееся одной из фамильных реликвий.

– Так что же брат Тимоти? – напомнила она, почувствовав по тону Кэлли, что с этим доктором связаны не самые приятные воспоминания.

– Никакой он не брат, а в Беркли, наверное, о нем и вспоминать стесняются. Сидит сейчас за совращение несовершеннолетних.

По коже словно поползли мурашки.

– Ты одна из его жертв?

Кэлли работала быстро и проворно, но в самих движениях пальцев ощущалось сильное волнение.

– Пока я была маленькой, мне там даже нравилось. Мы бегали, играли, купались в океане. И учителя попадались хорошие. Но как только подросли... Уф-ф! Брат Тимоти называл нас, девушек помладше, своими ангелами.

Кейт опустила на край кровати и жестом пригласила Кэлли сесть.

– А твоя мама... – Она замялась, подбирая слова. – Как ты думаешь, другие взрослые в коммуне знали об этом?

Кэлли фыркнула и кивнула:

– Никто из матерей и пальцем не шевельнул, чтобы остановить его. Они все были как будто... ну, как будто он их загипнотизировал. Говорил им, что мы – их дар ему. Даже если кто-то из девочек сопротивлялся, ее все равно отводили к брату Тимоти. Матери делали все, что он скажет. Они были... ну, как степфордские хиппи.

– Кошмар, – покачала головой Кейт.

– Да уж.

Кейт заметила, что Кэлли так и не ответила на вопрос, была ли она одной из жертв брата Тимоти.

– И что? Эта коммуна еще существует?

– Уже нет. Года три назад нас всех спасла одна девушка. Джемма Доннелл. – Кэлли опустила глаза. – Джемма постоянно пыталась сообщить куда-нибудь о том, что там творится, и иногда в коммуну даже приезжали из этих... социальных служб или управления образования. Приезжали, смотрели, но ничего такого не находили. Для посторонних коммуна была настоящей утопией – огороды, цветники, коровки на лужке, все читают Уильяма Карлоса Уильямса. В общем, никто Джемму не слушал, пока она не придумала, как обратить на нас внимание. – Кэлли остановилась и перевела дыхание. – Пришла в бюро помощи семье в Биг-Суре и пригрозила, что покончит с собой, если ей не поверят. – Голос у Кэлли дрогнул, и она продолжала уже шепотом: – Джемма была беременна от брата Тимоти. Его забрали, а Джемму я больше не видела. Что с ней случилось, не знаю.

Кейт положила руку ей на плечо. Девушка вздрогнула, и Кейт тут же убрала руку.

– Извини. Мне очень жаль. Надеюсь, после этого дела у вас пошли лучше.

– Для некоторых – да, лучше. У меня поначалу все тоже было неплохо. Но в последней семье... В общем, пришлось уйти.

– Где сейчас твоя мать?

Девушка потупилась:

– Я давно ее не видела... больше года.

– А ты не думаешь, что она беспокоится о тебе?

– Раньше надо было беспокоиться, когда мы все жили с тем извращенцем, – резко бросила Кэлли. – Вы позвоните в социальную службу?

– Нет, если ты была со мной честна.

– Можете сами все проверить. Посмотрите в Интернете. – Коммуна Миллениум.

– Здесь у меня Интернета нет. Чтобы выйти в Сеть, нужно ехать в библиотеку в Порт-Анджел ее.

– Решайте сами. Я вам правду сказала. – Кэлли посмотрела в окно.

Кейт не сомневалась – секреты остались, даже если Кэлли и не обманула. Она вдруг заметила, что у девушки ясный, четкий профиль и что Кэлли можно было бы даже назвать красивой, хотя красота не бросалась в глаза – возможно, из-за оспинок и темных разводов неотмытой грязи. Портили девушку и неухоженные, отросшие волосы, а мешковатый спортивный костюм и старенькая футболка с надписью «Фолк-фестиваль» просто уродовали фигуру. И все же, когда свет из окна очертил нежный изгиб скулы, Кейт увидела перед собой другого человека, девушку, все еще остающуюся ребенком, что бы там ни было написано в документах.

Защитный инстинкт, всегда сильный у Кейт, понуждал ее и сейчас дать девушке шанс.

– Не хочешь остаться в гостевой комнате? – услышала она собственный голос. В давние времена первые Ливингстоны приезжали на озеро с домоправительницей и кухаркой, которые занимали небольшую спальню с туалетом и отдельным входом. В более поздние времена ее использовали как гостевую.

Кэлли недоверчиво взглянула на нее:

– И в чем тут подвох?

– Нет никакого подвоха. Тебе же надо где-то жить, а у меня много свободных комнат, так что...

– Нет, лучше не надо. – Девушка уставилась взглядом в плетеный коврик под ногами.

– У тебя не так уж много вариантов, – сказала Кейт. – Зимой многие дома пустуют, но сейчас начинается летний сезон, и все изменится.

– У меня есть палатка.

– А у меня дом с шестью спальнями.

– Но почему вы мне это предлагаете? Что-то же должно быть...

– Тебе нечего опасаться, обещаю. Ты сказала, что была честна со мной. Жизнь тебя не баловала. Почему бы не остаться там, где спокойно и безопасно?

Кэлли тихонько шмыгнула носом и горько усмехнулась.

– Я сказала что-то смешное? Девушка покачала головой:

– Сегодня останусь, а там посмотрим.

«Только не делай мне одолжений», – подумала Кейт и тут же напомнила себе, что, если рассказ Кэлли хотя бы наполовину верен, жизнь ее была сплошным кошмаром. Если она и осторожничает, то для этого у нее есть основания. И сама Кейт тут ни при чем.

– Я предупрежу миссис Ньюман, что ты останешься у нас.

Кэлли посмотрела на нее с выражением, которое бывает у изголодавшегося путешественника, когда перед ним ставят первую тарелку с едой.

– Все будет хорошо, – мягко добавила Кейт. – Вот увидишь.

Несколько секунд девушка сидела совершенно неподвижно и молча. Похоже, с таким отношением к себе ей приходилось сталкиваться нечасто. Потом она встала и подошла к окну.

– Вы кого-то ждете?

И тут же Кейт услышала шорох колес по гравию. Потом хлопнула дверца. Как всегда, Бандит встретил гостя радостным лаем.

– Кто там? – спросила она.

– Какой-то парень. Настоящий красавчик. Ваш бой-френд?

Кейт и сама не знала, почему щеки вдруг потеплели от прихлынувшей крови. Встав рядом с Кэлли, она покачала головой.

– Он живет здесь неподалеку. Пойдем встретим его.

Глава 6

Когда Кейт и Кэлли вышли во двор, Аарон уже носился вокруг Джей Ди, безостановочно сыпля словами. Джей Ди неуверенно переминался с ноги на ногу, явно смущенный энтузиазмом мальчика. Наверное, уже жалел, что явился к соседям.

Видя, как ее сын старается привлечь внимание практически незнакомого мужчины, Кейт ощутила знакомую боль. Аарону отчаянно не доставало отца. Так было всегда. Уже малышом он просто пристраивался к идущим куда-то случайным людям, следуя за ними, как утенок за уткой, и Кейт ловила его по пути то к торговому центру, то на бейсбол.

В том, как Аарон пытался копировать Джей Ди, угадывалось элементарное поклонение герою. Другими словами, для Аарона идеалом был Джей Ди – мужчина в вытертых рабочих штанах и ботинках «Вулверин». А еще у него были пикап и бензопила. Все, о чем только может мечтать мальчишка.

Кейт поймала себя на том, что не сводит глаз с плеч мужчины. Широкие, они вовсе не казались массивными. И двигался он с той легкой непринужденностью, что предполагает природные, а не приобретенные месяцами изнуряющих занятий силу и здоровье. Было в этом человеке что-то трудноуловимое. Небрежность в одежде предполагала отсутствие тщеславия, но держался он с удивительным достоинством.

– Привет, – сказала Кейт, жестом подзывая отставшую Кэлли. – Как наш енот?

Он повернулся, и сердце у нее кувыркнулось, что было просто смешно, поскольку он никак не принадлежал к ее типу мужчин. И тем не менее она не могла оторвать от него глаз. Первым результатом столь пристального внимания стал вывод о том, что маллета у него все-таки нет. Просто длинные волосы. Как у Брэда Питта в его лучших фильмах.

– В центре помощи диким животным считают, что он поправится. – Джей Ди кивнул в сторону пикапа. – Я вымыл ваш кулер.

– Спасибо. – Кейт взглянула на Кэлли. – А это Кэлли Ивэнс. Она будет жить у нас.

Брови у Аарона комично поползли вверх, но от комментариев он воздержался.

– Приятно познакомиться.

Кэлли покраснела и смутилась. Учítывая ее прошлое, не имела ли она дел с мужчинами, подумала Кейт.

– Джей Ди, а хотите посмотреть причал? – спросил с надеждой Аарон. – И ты тоже, Кэлли.

– Конечно, хочу, – тут же согласилась девушка. – А там глубоко? Нырять можно?

– Можно. Мой двоюродный брат всегда с него ныряет.

– А ты?

– Нет. – Щеки у Аарона зарделись, но вдаваться в дальнейшие объяснения он не стал.

Кейт подозревала, что никаких объяснений у него просто нет. Ему не доставало слов для выражения каких-то эмоций. Может быть, подумала она, этим летом сын наконец научится плавать.

Обойдя по широкой дуге Бандита, Кэлли приподняла брезент, под которым стояла длинная узкая лодка.

– А на этом выходишь?

– Конечно, – заулыбался Аарон, которому явно нравилось внимание старших. – Она же двухместная, видишь?

Упорно отказываясь учиться плавать, Аарон обожал лодки. Ему нравилось все, что могло держаться на воде, приближать его к тому, чего он боялся, и не важно, был это паром через пролив или плот «зодиак».

– Может, спустим его на воду? – предложил Аарон.

– Конечно, спустим, – заверила сына Кейт. Она уже решила, что сделает все, чтобы лето у него получилось веселым и запоминающимся.

Каяк появился здесь в те давние времена, когда на озере запретили пользоваться моторными средствами передвижения.

Наблюдая за тем, с какой легкостью и непринужденностью ее сын расписывает достоинства каяка, Кейт не в первый раз вспомнила школьных учителей, в один голос утверждавших, что мальчик плохо учится, потому что не умеет себя контролировать.

Они еще никогда не познакомились в один день с двумя посторонними людьми. И уж определенно никогда не встречали сбежавшую из приемной семьи бездомную девушку и немногословного, но удивительно интересного мужчину. Наблюдая за ним со стороны, она видела, что в общении с Аароном он демонстрирует уважение и терпение.

У большинства мужчин интерес угасал после того, как они узнавали, что у нее есть сын, или познакомившись поближе с непокорным нравом Аарона. Джей Ди его непрерывная болтовня, похоже, не смущала. И с Кэлли он тоже держался на равных, не давил своим присутствием и не задавал слишком много вопросов.

Настоящий бриллиант. И где? На берегах озера Кресент! А почему бы и нет?

«Не торопись с суждениями, – сказала она себе, – и не забегай вперед. Пока что он всего лишь вымыл твой кулер».

А вот Аарон никаких сомнений в отношении нового знакомого не питал.

– Так вы хотите прокатиться прямо сейчас или после обеда? – спросил он.

– Может быть, в другой раз.

А он дипломатичен, отметила про себя Кейт. Похоже, понимает, что нельзя пускаться в плавание по незнакомому озеру с мальчишкой, которого почти не знаешь.

Аарон даже помрачнел от разочарования. Отлучавшийся по каким-то своим собачьим делам Бандит вернулся весь в листьях, колючках и с высунутым языком. Кэлли тихонько отступила от него подальше.

– Ну что ж, – сказала Кейт, – мне еще нужно разложить вещи.

Джей Ди тут же кивнул, приняв ее слова за намек.

– Мне тоже пора.

– Побудьте еще немного, – попросил его Аарон.

– Мы еще увидимся, – заверил его Джей Ди. – Еще раз спасибо, Кейт. Пока, Кэлли.

Береги себя.

Девушка нахмурилась:

– Конечно.

Аарон проводил Джей Ди до пикапа, катясь рядом, как мячик в ногах футболиста.

– А знаете что? Когда мне было шесть, я один дошел до железной дороги.

– Что ты говоришь!

– Да. А еще в сарае есть горные велосипеды. Целых пять штук. Хотите прокатиться? –

Дождаться ответа он не стал. – А у вас клевая машина. Это Шредеров?

– Да, их. Я взял ее на лето. Шредеры живут сейчас на Восточном побережье.

– А мой дядя тоже переехал на Восточное побережье. У него семья, жена и двое детей.

Это мои двоюродные брат и сестра. Больше у меня никого нет. Ни братьев, ни сестер. А у вас есть дети?

– Нет. – Джей Ди достал из кармана ключи.

– А вы женаты?

– Нет.

– А встречаетесь с кем-нибудь?

Кейт не выдержала:

– Аарон!

– Я просто старался выведать что мог, потому что ты ведь все равно попытаешься это узнать, – сказал Аарон и снова повернулся к Джей Ди: – Если бы мы были в городе, она бы все узнала по Интернету, но здесь Интернета нет.

– Вот что, дружок, – вмешалась Кейт, – почему бы тебе не сделать что-нибудь полезное и не перестать вгонять меня в краску на глазах у всех.

Аарон кивнул и, помахав Джей Ди, умчался.

– Извините, – сказала она, когда он уже сел в кабину.

– Все в порядке, не беспокойтесь. – Джей Ди опустил стекло, и ей показалось, что он хочет что-то сказать, но он молчал и только смотрел на озеро. Судя по позе и затянувшемуся молчанию, Джей Ди вовсе не спешил уезжать. – Это правда? Вы всегда ищете информацию о людях в Интернете?

– Конечно. А вы разве нет?

– Думаю, если бы я хотел узнать что-то о человеке, то просто спросил бы.

– Интересная концепция.

– Например, об отце Аарона.

– Прошу прощения, что? – Кейт прекрасно его расслышала, но он застал ее врасплох своим вопросом.

– Как он во все это вписывается? Хорошенький разговорчик для первого свидания!

– Никак не вписывается. И не вписывался. – Немного помолчав, она не выдержала: – А почему вы спрашиваете?

– А как по-вашему, почему? – Он так и не улыбнулся ни разу, но глаза его озорно блеснули. По крайней мере, она убедила себя, что озорно.

Когда он посмотрел на нее вот так, в ней что-то шевельнулось. Что? Узнавание? Но разве такое возможно? Они ведь никогда раньше не встречались. Или все же встречались?

Прищурившись, Кейт внимательно посмотрела на него. Что же в нем такого? Кроме очевидного уже факта, что за грубоватой внешностью кроется мощный потенциал.

– Думаю, вы спросили, потому что я вам интересна. Так или нет?

– Леди, чтобы не заинтересоваться вами, надо быть коматозником, – немного раздраженно ответил он и повернул ключ. Из динамиков вырвался голос диктора. Передавали новости. Джей Ди поморщился, выключил приемник, помахал и тронулся с места.

Кейт еще долго смотрела вслед.

– Тогда почему же ты не рад, что познакомился со мной? – спросила она, обращаясь в пустоту.

Глава 7

Кейт приезжала на озеро каждый год, и каждый год несколько дней уходило на привыкание к новой обстановке. Просыпаясь, она вскакивала с постели с уже составленным мысленно списком дел. В городе этот список мог бы занять целую страницу: срочная сдача материала, покупки, встречи и Аарон. Она регулярно проверяла, как сын справился с домашним заданием, готовила ему ланч, складывала рюкзачок. После школы шли занятия карате и в скаутском клубе, выполнение домашней работы и игры на свежем воздухе. Так называемые свидания в песочнице. Как ни грустно это признавать, но у сына со свиданиями дела обстояли много лучше, чем у нее самой. Другие дети принимали Аарона без проблем, хотя их матери нередко были от него в ужасе.

Проснувшись на третье утро, Кейт по привычке поставила чайник. Никакого кофе на озере не позволялось. Кофе всегда означал спешку, работу, стресс. Чай – покой и умиротворение.

Она уже приняла твердое решение: никуда не торопиться, не суетиться и не сходить с ума оттого, что осталась без работы. Сдаваемая в аренду недвижимость приносила неплохой и, главное, стабильный доход. Отец оставил ей прекрасное наследство. Затянув немного поясок и не позволяя себе лишнего, она вполне могла протянуть и без зарплаты. Проблема была не столько в деньгах, сколько в потере самоидентификации. Журналистика была ее средством самовыражения. Она хотела вернуться к знакомому делу, снова ощутить себя личностью, писать и публиковаться.

«Стоп, – сказала себе Кейт. – У тебя впереди целое лето, чтобы во всем этом разобраться». Сделав глубокий, успокаивающий вдох, она выглянула из окна. Озеро всегда помогало обрести покой. Ясное, чистое, гладкое, как зеркало, оно отражало окружающие горы, поросшие вечнозеленой растительностью, с тонкими белыми прожилками снега, укрывшегося в самых близких к вершинам расщелинах. Термометр показывал одиннадцать градусов. Для половины восьмого идеальная температура. Может быть, чуть позже они втроем еще сходят на прогулку.

Как часто бывало в последние дни, мысли повернули к Джей Ди Харрису. Наверное, думать о нем так часто и не стоило, но ведь сердцу не прикажешь. В свои двадцать девять – возраст вполне зрелый – Кейт оставалась натурой мягкой и романтической, с пылким воображением, которое легко рисовало соблазнительные картины летнего романа и даже вычерчивало перспективы более длительных и обстоятельных отношений. В то время как ее подруги в колледже встречались, влюблялись и расставались, она вынашивала ребенка. Потом, после рождения Аарона, выкармливала его своим молоком. Опередив подруг, так сказать, в продуктивности, Кейт так ни разу и не позволила себе броситься с головой в омут скороспелого романа. У матери-одиночки для этого просто не было времени.

Другое дело, что мечтать никто не запретит, и для этого время всегда найдется. Кейт и мечтала. Сейчас ее мечты заполнял Джей Ди Харрис. Кто он такой? Как оказался здесь, на озере? Искорка взаимного интереса между ними определенно проскочила. Он и сам так сказал. Но вот в шутку или всерьез – Кейт толком не поняла.

Хотя Джей Ди ничего не обещал, она все же ждала, что он вот-вот заглянет.

Вот только до сих пор все мужчины приносили ей одно лишь разочарование.

На плите зашипел чайник, и Кейт, не дожидаясь свистка, выключила горелку. Через несколько минут она уже сидела с чашкой за стареньким столом перед открытым ноутбуком. Рядом лежало написанное накануне письмо для давней подруги. С Таней Блэр они вместе учились в колледже, потом Таня с успехом окончила отделение коммуникаций Вашингтонского университета и ныне работала редактором «Смитсониен мэгазин». Именно на нее Кейт и воз-

лагала свои надежды. Конечно, между еженедельником местного калибра и журналом общенационального масштаба лежит пропасть, но Кейт уже решила, что планку нужно устанавливать как можно выше. В прошлом она играла по мелочи, стеснялась высоких целей, и куда это ее привело?

Она еще раз перечитала письмо, потом набрала текст, распечатала на принтере и положила листок в конверт. И все же ее не оставляло смутное ощущение неудовлетворенности. Предложив Тане свои услуги, она не могла пока ничего предъявить. У нее не было материала, не было истории. По крайней мере, пока. Кейт понимала, что должна написать что-то, но что?

Через несколько минут в кухню притащилась Кэлли. Одета по обыкновению в мешковатый спортивный костюм, слегка опухшая от сна, она вяло пробормотала «Доброе утро» и зевнула.

– Привет, – откликнулась Кейт. – Чай будешь?

– Нет, я уж сразу позавтракаю. – Девушка насыпала в чашку кукурузных хлопьев и протянула коробку Кейт, которая покачала головой:

– Я подожду Аарона.

Кэлли посмотрела в окно:

– А он вас уже ждет.

И действительно, Аарон и Бандит резвились на лужайке, меряясь силой в перетягивании каната, роль которого исполняло, кажется, старое полотенце.

– Я и не слышала, как он встал. – Кейт покачала головой. – Какие у тебя планы на день?

– За мной заедет Йоланда. У нас на очереди три дома на озере Сазерленд. – Кэлли поморщилась. – Так не хочется работать.

Она выглядела усталой, хотя на аппетите это никак не отразилось. Подростки. Никогда не ложатся вовремя, даже если утром рано вставать. Впрочем, жаловаться на нее не приходилось. Кэлли помогала по дому, Аарон ее обожал, и вела она себя вполне прилично.

Насыпав вторую порцию сухого завтрака и заметив, что Кейт смотрит на нее, Кэлли виновато пожала плечами:

– Знаю, что не надо бы. Что растолстею как свинья. – Тем не менее она подлила молока и добавила сахара. – А вы? Вы чем будете заниматься?

– Может быть, прогуляемся с Аароном к Мэример-Фоллс. Ты там была? Видела водопад?

– Нет, только слышала, что подниматься надо довольно высоко. Может быть, когда-нибудь и выберусь. В выходной.

– У меня еще и по дому работы немало. – Кейт с грустью взглянула на черный угольник ноутбука.

– Уже определились, о чем хотите написать?

– Кое-какие мысли есть.

– Я все-таки думаю, вам нужно заняться Уолденом Ливингстоном. О нем здесь все слышали. Можно сказать, культовый герой.

– Знаю. Ему до сих пор пишут. Нечасто, конечно, но несколько писем в год приходит.

– Знаете, я потому в этом доме и остановилась, – призналась Кэлли. – Когда увидела его фотографию, ту, что Анни Лейбовиц сделала, и поняла, что он здесь жил, у меня просто башню снесло. Его книги... Те люди, что заботятся о природе, о земле, для них его книги священны.

Кейт не уставала удивляться этой девушке, в которой странным образом соединялись уличная мудрость и наивный идеализм, невероятная начитанность в одних областях и полное невежество в других.

– Немногие из нынешней молодежи знают о Уолде-не Ливингстоне. А ты как о нем узнала?

– Жила у одной пары, для которой защита окружающей среды была смыслом жизни. Так вот старик Уолден был для них самым главным авторитетом. У них на полке стояла подпи-

санная им книга и сборник его изречений. «Не оставляй тропы будущему страннику, дай ему самому отыскать свой путь». Ну и все такое. Он что, всегда так изъяснялся?

Кейт задумчиво посмотрела на упомянутый Кэлли портрет, который висел на стене у двери. Портрет удался. Лейбовиц сумела ухватить лукавый блеск в глазах старика, запечатлеть дерзкий взмах белоснежных волос, бывших некогда, как рассказывал сам Уолден, такими же рыжими, как у нее. Его лицо имело собственную географию, такую ясную, как и география земли, и в этом тоже проявилось мастерство художницы. «Мне тебя не хватает», – мысленно сказала старику Кейт и повернулась к Кэлли:

– Я вовсе не уверена, что он все это сказал.

– А что, он и впрямь был не такой, как другие? Ну, в обычной жизни.

– Хороший вопрос, – улыбнулась Кейт. – Может быть. Для меня он был просто дедушкой.

Для ребенка дедушка – всегда особенный.

– А я своих только раз и видела.

– Ты хотела бы навестить их когда-нибудь? Кэлли отправила в рот полную ложку хлопьев и настороженно посмотрела на Кейт.

– Ты не думай, я в твои дела вмешиваться не собираюсь.

– Тогда зачем спрашиваете?

– Наверно, просто из любопытства. Хочу побольше узнать о твоей жизни.

Кэлли на секунду задумалась. Потом отодвинула чашку и положила ложку.

– Я только о тех бабушке с дедушкой, что с маминой стороны, что-то знаю. Моего отца так и не нашли, а о его родителях и говорить нечего. Когда брата Тимоти забрали, и коммуна развалилась, мы с мамой отправились в Вашингтон. Она была в таком состоянии, что просто отвезла меня к своим предкам в Такому и там оставила. Не попрощалась, не сказала, куда поедет дальше.

Кейт вздохнула:

– Сочувствую. Девушка пожала плечами:

– Невелика беда. Я это пережила. В общем, они позвонили в Службу защиты детей, сказали, что не могут меня принять. Держу пари, ваш дедушка так бы не поступил.

– Нет, так бы не поступил. Он был... необыкновенный. Мне очень повезло, что я его знала.

– А вы понимали, что он не такой, как все?

– Не думаю, что меня интересовало, чему он себя посвятил. Помню, он всегда куда-то спешил, его повсюду ждали. И он очень много путешествовал в течение учебного года. – Кейт подошла к книжной полке и сняла альбом в кожаном переплете, целиком посвященный делу всей жизни Уолдена Ливингстона.

Вместе с Кэлли они перелистали страницы с фотографиями, вырезками из газет и журналов, статьями. Один разворот был полностью занят снимками, на которых Уолден либо позировал, либо здоровался за руку с разными знаменитостями, в том числе и с американскими президентами, от Линдона Джонсона до Рональда Рейгана. Каким-то образом ему удавалось устроить так, что каждый из них подписывал какой-либо документ, способствовавший защите окружающей среды.

– Да, – вздохнула Кэлли. – Интересно, каково это быть таким великим человеком, так многого добиться в жизни.

– Думаю, у него все получалось само собой. Просто он не мог иначе. – Будучи человеком известным и уважаемым в среде активистов экологического движения, тех, кого заботили проблемы сохранения земли, Уолден в то же время глубоко разочаровал своих родителей тем, что так и не смог взять в руки бразды семейного бизнеса. В то время семейный бизнес был связан с лесом и пиломатериалами, и увлечение старшего сына сбережением лесов стало для родных и близких тяжелым ударом. Впрочем, все это произошло еще до Кейт. Она взглянула испод-

тишка на Кэлли. Цвет лица у девушки значительно улучшился после завтрака. Кейт понимала, что стоит за ее вопросами об Уолдене: «А кто такая я? Что я могу? И могу ли что-то?».

– Скажи, а какая твоя мама? – Тема была опасная, но Кейт чувствовала, что в основе всех проблем девушки отношения с матерью. – Если, конечно, не против.

– Да нет, не против. Только мне и сказать-то особенно нечего. Она – лузер, полная неудачница, и я по ней нисколько не скучаю. – С улицы долетел гудок подъехавшей машины, и Кэлли вскочила со стула. – Побегу. Вернусь к семи.

– Не забудь ланч. – Уже у двери Кейт сунула девушке бумажный пакет.

Кэлли сделала удивленные глаза и, благодарно кивнув, выбежала из кухни.

Конечно, добра в своей жизни бедняжка видела не много, так что даже незначительный жест внимания был для нее сюрпризом. Наверное, она была бы другой, если бы всегда чувствовала, что ее любят, если бы кто-то готовил для нее ланч и встречал улыбкой по утрам. Да что там, весь мир стал бы куда лучше, если бы в жизни каждого были забота, внимание и любовь. Кейт невольно взглянула на ноутбук и тут же остановила себя. Нет. Нет. Достаточно того, что в их семье уже был один борец. А ей, прежде чем спасти мир, надо обустроить собственную жизнь.

Она закрыла альбом и, взяв тряпочку, протерла обложку. Ее дед прожил насыщенную жизнь. У нее были большие планы в отношении собственной карьеры. Но судьба сложилась иначе.

В дом ворвался Аарон и, пританцовывая у обувной полки, попытался разуться без помощи рук.

– Мам! Эй, мам!

– Я здесь, так что кричать необязательно.

– Не буду. А я нашел ископаемое! – Освободившись от обуви, Аарон прошмыгнул в кухню и показал камень с отпечатком напоминающей жука ракушки.

– Точно, ископаемое. И где же ты его нашел?

– В лесу. – Он протянул ей камень. – Если хочешь, оставь себе. Это подарок.

– Ну спасибо. – Кейт убрала на место альбом. «А разве я не делаю важное дело, – подумала она, принимая от сына подарок. Разве есть на свете что-то важнее вот этого?»

Глава 8

– Кейт Ливингстон, – сказал Джей Ди, едва услышав в трубке голос Сэма. – Что можешь рассказать о ней?

В город он приехал купить кое-какую рыболовную снасть и проверить почту. Заполнить день, когда делать абсолютно нечего, а дней много, занятие изматывающе нелегкое.

– Кэти Ливингстон? Та, что в большом доме? – Сэм негромко присвистнул. – Давно ее не видел. Ты с ней познакомился?

– Да. Так что ты о ней знаешь?

В трубке зашуршало, возможно, Сэм перебирался куда-то подальше от жены и детей.

– Могу сказать, что когда-то был в нее влюблен, – прошептал он.

– Как это? – усмехнулся Джей Ди и покачал головой.

Сэм был человеком, как принято говорить, с большим сердцем и всегда отзывался на голос чувств. За то время, что они были знакомы, он влюблялся, наверное, раз десять, то воспаряя к высотам счастья, то низвергаясь в пучину отчаяния. Несколько лет назад Сэм встретил Пенни, работавшую гражданским снабженцем, и объявил друзьям, что нашел наконец ту единственную, с которой готов прожить остаток жизни. Самое странное, что так оно и получилось: Пенни и детям досталась вся его любовь и обожание, а Сэм с головой погряз в удовольствиях и проблемах семейной жизни.

– Я был в седьмом классе, – прошептал Сэм. – Она на год младше. С ума от нее сходил. Мне было тринадцать, гормоны уже бушевали, и я просто впадал в кому, когда видел ее в бикини. Да, хороша была девочка. Рыженькая, с веснушками. Потом, уже в старших классах... – Он вздохнул.

– Ты не ответил на мой вопрос. – Джей Ди представил в бикини уже взрослую Кейт, и воображение с готовностью отозвалось роем образов.

– Да... Малышка Кэти Ливингстон. Она меня с ума сводила... каждое лето. А что, все такая же? Чертовски соблазнительная, да?

Да уж, подумал Джей Ди.

– Эй, приятель, у тебя семья. Ты человек женатый.

– И намерен остаться в этом статусе. И все-таки... как она?

– Она... – Джей Ди выглянул в окно пикапа. Безмятежную голубую гладь пролива Хуан-де-Фука покрывали темные пятнышки направляющихся к открытой воде грузовых судов. Он попытался подыскать подходящее определение. Не получалось. – Как раньше говорили, горячая девчонка.

Сэм снова присвистнул:

– Черт, давненько я ее не вспоминал.

– Я тут брал у нее походный холодильник. Ну, это длинная история. У нее сын. На вид лет десять или около того.

– Муж?

– Не встречал.

– Если она все еще под своей фамилией, то, получается, не замужем. Семья на озере известная. В некотором смысле легендарная. И дом этот в тамошних краях все знают. Стоит едва не сто лет. Состояние сделали во времена сухого закона. На лесе да канадском виски. Деньги, может, и не вполне чистые, но семья поднялась, приобрела влияние. По крайней мере на какое-то время. Последующие поколения, насколько я понял, ухитрились многое растерять, но дом у озера сохранили. А вот Кейт я из виду упустил. Подался в армию, а она в колледж. В школе ее считали едва ли не гением, все были уверены, что эта девочка наверняка далеко пойдет. А брат ее там?

– Нет, только она с мальчишкой. Больше никого.

– Даже не верится, что Кейт не замужем.

– Почему?

– Ты ее видел – вот и скажи. Какая она сейчас? Какая? Восхитительная. Красивая. Добрая, чуткая.

Веселая. Немного ранимая. Во всех отношениях, как ни крути, женщина не для него. Если уж на то пошло, весь мир не для него. Вообще-то он нисколько не жалел, что так случилось, но все же...

– Приятный человек, как мне показалось.

– Приятный человек. Да, исчерпывающая характеристика, – усмехнулся Сэм.

– Говорю тебе, я познакомился с ней совершенно случайно.

– Что ж, старина, соседи тебе могли попасться и похуже.

Джей Ди промолчал и только кивнул. Сэм был прав. Судя по первым впечатлениям, Кейт была из тех женщин, о которых мужчина может только мечтать. Милая соседка и соблазнительница в одном лице.

– Думаю, мне в это лето лучше не рисковать и заниматься своими делами.

– Чушь. Я ведь уже чувствую – ты в нее втюрился. Но помочь ничем не могу. Слишком давно ее не видел, так что выкручивайся теперь сам.

– Нет уж, это не для меня. Да и не затем я сюда приехал. К тому же больших успехов у меня по этой части нет. Скорее наоборот.

– А, перестань. Если тебе попалась пара тронутых, это еще не значит, что все женщины такие.

– Наверное, сам виноват – только таких и притягиваю. Кстати, как там моя самая большая поклонница? – Джей Ди невольно напрягся.

– В продолжительном отпуске – с любезного разрешения округа Колумбия. Новостей никаких, так что, надо думать, выздоровление проходит хорошо.

Джей Ди тихонько выдохнул. Вышло так, что после инцидента в госпитале все события и сопутствовавшие им обстоятельства подталкивали его к принятию определенного решения. В конце концов он не выдержал и обратился за помощью к Сэму. Последним толчком стал случай с молодой женщиной, Ширлин Лэдлоу, которая порезала себе вены и едва не истекла кровью только лишь для того, чтобы иметь повод позвонить в службу спасения и потребовать, чтобы к ней прислали Джордана Донована Харриса. А вскоре после этого позвонили из Калифорнии. Мать взялась за старое. В тот вечер Джей Ди окончательно понял, что у него не только отняли личную жизнь, но и что он сам стал опасен для таких людей, как его мать и Ширлин Лэдлоу.

– Как маскировка? Пока срабатывает? – поинтересовался Сэм.

– Вроде бы да.

– А я и не сомневался. Что ж, может быть, Кэти Ливингстон скрасит твое одиночество.

По крайней мере, она, кажется, не из тех, кто станет резать вены, чтобы привлечь к себе внимание.

– Не похоже.

– Почему бы и не развеяться?

– Я сюда не затем приехал. Я хочу вернуть ту жизнь, что у меня была. Или ты полагаешь, что это уже невозможно?

– Трудно снова стать никем после того, как журнал «Пипл» включил тебя в список пятидесяти самых красивых мужчин.

– Не смешно.

– Послушай, я понимаю, почему ты осторожничаешь после всего того, что устроила Тина. – Именно Сэм был с ним в самые трудные часы. Только с ним единственным связались после инцидента в госпитале. Родственников – по крайней мере, таких, на кого можно было

положиться, – у Харриса не оказалось, кого следует известить, если случится самое худшее, он не указал. – Но что-то подсказывает мне, что Кейт не Тина.

Джей Ди прекрасно понимал, что не готов к новым отношениям, но что-то в Кейт влекло к ней, даже против его воли. И сама она, и весь ее мир волновали и притягивали. И то, что даже одна-единственная встреча с ней вызвала такой переполох мыслей, говорило о многом.

– С ней там девочка-подросток. Кэлли Ивэнс. Имя знакомое?

– Нет, в первый раз слышу. – Сэм отвлекся на секунду – его малыш сунул руку в аквариум. – Ты об Уолдене Ливингстоне уже слышал?

– Нет.

– Дедушка Кейт. Защитник окружающей среды, в шестидесятых был культовой фигурой.

– И что?

– Кейт знает, что знаменитости такие же люди, как и все остальные, и в штаны не сразу двумя ногами влезают.

– Я ничего ей рассказывать не собираюсь. – Проведя несколько недель в госпитале, Джей Ди с нетерпением ждал выхода в отставку и уже планировал новую жизнь – поступление в медицинскую школу, осуществление старой мечты, ставшей ближе только после свидания со смертью. Он всегда думал, что станет врачом... когда-нибудь. Но после выхода из госпиталя неприятности вовсе не закончились. Наоборот, они только начались.

– Нельзя прятаться вечно.

– Будем надеяться, что и не придется. – Джей Ди выпрыгнул из пикапа и прошелся по парковочной площадке. Впереди, не замечая его, шла семья из четырех человек. Женщина толкала коляску, а мужчина нес на плечах маленького мальчика. Взрослые смеялись, а малыш хлопал в ладоши.

Джей Ди своими глазами видел, как жестоко могут поступать люди с самыми близкими, знал, что любовь способна превратиться в смертельный яд. И все равно в нем жил упрямец, наперекор всему желавший, надевавшийся, мечтавший о том, чтобы быть частью чего-то большего, чем он сам, – семьи.

– Думаю, уж слишком долго скрываться и не понадобится, – сказал Сэм. – Твои пятнадцать минут славы почти истекли.

– Хорошо бы.

– Подожди, еще будешь искать недостающие фигурки Джордана Донована Харриса на интернет-аукционах.

– Ты уже начинаешь действовать мне на нервы.

Сэм рассмеялся:

– Послушай, отдыхай, наслаждайся летом и ни о чем не думай. Тебе что-нибудь нужно?

– Нет. Все, что надо, у меня есть. А место здесь действительно прекрасное. Даже не представлял, что такие уголки еще существуют.

– Да, это нечто особенное, – согласился Сэм. – Так что прекрати беспокоиться насчет завтрашнего дня. Все будет хорошо.

Последние слова он произнес немного другим тоном, но Джей Ди, знавший Сэма как брата, все же уловил перемену.

– Ладно, так и сделаю. – Он прошелся перед машиной. – Что происходит?

– Ох... Помнишь рядового Глейзера?

– Ну конечно. – Глейзер был первым из раненых, кого они с Сэмом вместе оперировали в полевых условиях. – А ты почему... – Он остановился, быстро просмотрел почту и торопливо вскрыл большой конверт, в котором обнаружил очередной гляцевый журнал. С фотографии на обложке смотрел он сам – молодой врач, только что прибывший в Афганистан в составе «зеленых беретов». – Какого еще черта?

– А, я так понимаю, нашел.

Всего на черно-белой фотографии их было трое: Джей Ди, морской пехотинец, которого он вытащил с поля боя, и Сэм.

– Господи, Сэм... – прошептал он, не веря своим глазам.

– Я сам послал им этот снимок. То, что они публикуют, по большей части полный бред, а на этот и ты бы не отказался взглянуть.

Джей Ди быстро пролистал страницы, пробегая взглядом по строчкам. По вискам уже струился пот. Статью иллюстрировали и другие фотографии. Хватало в ней и цитат, причем откровенно искаженных.

– Так эту историю Глейзер выдал? – Он хмуро посмотрел на Макса Глейзера, того самого морского пехотинца с обложки. Человека, которому они с Сэмом много лет назад спасли жизнь в горах афганской провинции Кунар. Самого Глейзера после того случая никто из них больше не видел, но, похоже, спасенный решил, что имеет полное право рассказать о своем знакомстве со знаменитостью.

– Эй, ты еще на связи? – спросил Сэм.

– Да, я здесь. – Джей Ди тряхнул головой и опустил журнал. Хотелось вытереть руки и промыть с шампунем мозги. Он перевел дыхание и постарался сосредоточиться на пиках далеких гор, вершины которых украшали снежные шапки. – Ты вроде бы сказал, что мои пятнадцать минут славы истекают.

– Знаешь, что я думаю? По-моему, ты неправильно это воспринимаешь. Попробуй не обижаться, не фыркать презрительно, а использовать себе на пользу.

– Ты говоришь почти то же, что и Моррис Уильяме. – Джей Ди нахмурился, заметив среди писем весточку из Западного Голливуда. Однажды он уже воспользовался советом Морриса и получил много больше того, на что рассчитывал. Подписывая контракт с ним, Джей Ди рассчитывал, что, как было обещано, сохранит за собой решающее слово при создании художественного фильма, основанного на его жизни и случае в госпитале имени Уолтера Рида. Когда все пошло не так, он аннулировал договор, но с удивлением обнаружил, что компания продолжает проект и без его участия.

– Он говорит дело. Ты можешь развернуть все в любую сторону. Обратил внимание на баланс доходов и расходов своего фонда?

– Это не мой фонд. – Некоммерческий фонд был учрежден после того, как на его имя стали поступать денежные переводы. Одним из положительных побочных явлений славы было то, что американцы, движимые мотивами, которые часто оставались незаявленными, считали своим долгом посылать ему деньги. Чеки и даже наличные приходили порой без какого-либо объяснения или сопровождалась такого рода записками: «Ценю» или «Так держать». Джей Ди было немного не по себе – как можно брать деньги за то, что на его месте сделал бы каждый. На первых порах он даже пытался отсылать все назад, но поток был слишком широк, а необходимые обратные сведения часто отсутствовали. Он просто не справлялся.

Делом занялся некоммерческий администратор, учредивший соответствующий фонд. Иметь дело с деньгами Джей Ди уже не приходилось. Теперь они принадлежали не ему. Он хотел со временем передать средства на нужды раненных при исполнении воинского долга коллег и помощь желающим поступить в колледж детям-инвалидам.

– В почте найдешь последние отчеты, – продолжал Сэм. – Тебе нужно принимать решение. Ты в состоянии осуществить любую свою мечту. Итак, чего ты хочешь?

Он мечтал о многом. Но хотел немногого. Чтобы все поскорее закончилось и он снова стал самим собой. Хотел, чтобы прошлое было другим, чтобы рядом был отец, а мать была матерью. У него была американская мечта – жить нормальной, обычной жизнью. Чтобы Джанет поскорее поправилась.

Когда-то ему пришлось пойти на войну, чтобы оплатить образование. Теперь ребятам вроде него фонд предлагал иной вариант. Благодаря американцам с их непредсказуемой щедростью многие мальчишки смогут заплатить за колледж.

И это все стоило Джей Ди всего лишь той жизни, что была у него раньше.

Кейт выключила сотовый и с улыбкой посмотрела на Кэлли, сидевшую рядом на скамейке перед библиотекой Порт-Анджелеса.

– Прошло.

Кэлли улыбнулась в ответ:

– Серьезно?

– Да. Я тут подумала, что было неплохо написать биографию дедушки. Предложила идею своей подруге, редактору одного крупного журнала. Ей понравилось. Она вынесла проект на обсуждение редакционной коллегии, и те дали зеленый свет. Так что, похоже, работа у меня теперь есть. – Кейт переполнял восторг. Как будто выросли вдруг крылья. Да, лето началось неудачно, но судьба повернулась к ней лицом. – А благодарить надо тебя. Это ведь ты мне мысль подсказала.

Кэлли покраснела и отвернулась. Непривыкшая к похвале, она смущалась от любого доброго слова.

– Что ж, идем в библиотеку, – сказала Кейт, решив, что девушку лучше оставить в покое. – Надо посмотреть, какие есть материалы.

Аарона они оставили в детской комнате, где по пятницам делали бумажные самолетики. Прежде чем заняться своими делами, Кейт решила проверить, все ли у него в порядке. Заглянув в комнату, она увидела, что сын всецело поглощен делом, и облегченно вздохнула. А теперь – за компьютер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.